

ЛЮБОВЬ НА ОСТРИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

2. ЦУНАМИ

Ульяна Соболева

Любовь на лезвии 2. Цунами

«Автор»

2026

Соболева У.

Любовь на лезвии 2. Цунами / У. Соболева — «Автор», 2026

Я выжила в месте, откуда не возвращаются. Вытерпела пытки, унижения и роды в неволе, цепляясь за единственное, ради чего ещё стоило дышать, — за своего ребёнка. Но Самуил Мокану отнял у меня и его. Сэм привык считать жестокость силой, любовь — слабостью, а чужие судьбы — платой за безопасность собственного клана. Он вынес нашего сына из моей камеры и оставил меня умирать, даже не подозревая, что вместе с ребёнком забрал последнюю преграду, удерживавшую во мне чудовище. Теперь за нами охотятся Высшие. Семья Мокану расколота. Древняя сила просыпается в крови моего сына, а мужчина, которого я должна ненавидеть, становится единственным, кто способен спасти нас обоих. Только я больше не пленница. Я — цунами, которое он сам вызвал. И если Сэм хочет вернуть моё доверие, ему придётся не просто пойти против собственного отца, клана и законов их мира. Ему придётся разрушить себя до основания и доказать, что даже чудовище способно любить женщину, которую однажды обрекло на ад.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ульяна Соболева
Любовь на лезвии 2. Цунами

ЛЮБОВЬ НА ОСТРИЕ 2

ЦУНАМИ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Роман

Глава 1

Я целовал жену, когда в моей голове завывала тревога.

Не зазвенела, не отозвалась коротким служебным импульсом, к которому за пять лет привыкаешь настолько, что продолжаешь застёгивать рубашку, отдавая приказы между пугающими. Она именно завывала — протяжно, надрывно, будто где-то в недрах Нейтралитета огромному зверю вспороли брюхо и теперь он, захлёбываясь собственной кровью, пытался предупредить меня перед смертью.

Марианна ещё держала меня за затылок. Её тонкие пальцы запутались в моих волосах, губы оставались приоткрытыми после поцелуя, а в сиреневых глазах медленно гасло то тёплое, хрупкое выражение, ради которого я готов был вырезать сердце из любого мира и принести ей на ладони. Она почувствовала, как я окаменел. Конечно, почувствовала. Между нами давно не осталось ни одной боли, которую можно было бы спрятать под кожей.

— Что случилось? — Голос тихий, ещё сонный, и от него меня ломает вдоль позвоночника предчувствием такой силы, что на мгновение темнеет в глазах. Всего несколько секунд назад я смотрел на растрёпанные тёмные волосы, рассыпанные по белой подушке чернильными волнами, на знакомое до помешательства лицо и думал, что обязательно вернусь к ней до наступления ночи. Теперь же внутри разрастался холод. Он выползал из-под рёбер, обвинял сердце скользкими пальцами и медленно сжимал, проверяя, сколько ещё выдержит плоть прежде, чем лопнет.

— Дежурный сигнал, малыш. Ничего серьёзного. — Я солгал легко. Слишком легко для мужчины, который обещал больше никогда ей не лгать. Даже усмехнулся, наклонился и ещё раз коснулся её губ своими, будто мог этим коротким поцелуем запечатать собственную ложь у неё во рту.

Марианна не ответила. Просто смотрела. Так, как умела только она: не в глаза — глубже, туда, где я сам предпочитал не бывать без крайней необходимости. Потом медленно разжала пальцы на моём затылке.

— У тебя снова побелели глаза, Ник. — Я отвернулся к креслу, на спинке которого висела рубашка. Белая. Какая издевательская насмешка. В нашем доме вообще оказалось слишком много белого для семейства, которое всю свою вечность отмывало руки от крови и каждый раз обнаруживало, что она уже въелась под ногти, в линии ладоней, в саму память кожи.

— Они у меня периодически белеют. Ты сама говорила, что тебе нравится.

— Когда ты смотришь на меня, — поправила она, приподнимаясь на локтях. — А сейчас ты смотришь так, будто уже выбираешь, кого будешь убивать.

Я натянул рубашку, чувствуя её взгляд между лопаток. Хотел пошутить. Сказать, что ещё не решил, а потому убью всех, чтобы не ошибиться. Она бы не засмеялась. В последние годы Марианна вообще редко смеялась моим шуткам о смерти. Наверное, потому что слишком часто видела, как они перестают быть шутками.

Новый импульс ударил в виски, и я стиснул зубы. На этот раз не общий. Личный.

«Папа, приезжай домой. Прямо сейчас».

Ками.

Моя девочка никогда не звала меня таким голосом. Даже когда была ребёнком и просыпалась после кошмаров, даже когда пряталась в моём кабинете от собственной силы, не понимая, почему слышит чужие страхи громче человеческих слов. Сейчас её голос дрожал, срывался на беззвучный крик, и каждый этот надлом входил в меня под рёбра затупленным лезвием.

Я замер у кровати. Марианна мгновенно выпрямилась.

— Кто?

— Никто. — «Что случилось, принцесса?»

Я спросил мысленно, продолжая смотреть на жену. Как будто, если не отведу от неё взгляда, ничего страшного не произойдёт. Как будто сиреневые глаза смогут удержать потолок над нашей семьёй, когда он начнёт рушиться бетонными плитами, перемалывая кости всем, кто окажется внизу.

Несколько секунд Ками не отвечала. Я слышал только её дыхание — частое, судорожное. Затем всхлип. Она попыталась проглотить его, но я уже услышал, и от этого жалкого звука меня перекосило изнутри.

«Папа... Ярик пропал».

Сердце остановилось. Не образно, не в какой-то слезливой метафоре, которой смертные описывают испуг. Оно действительно замерло, будто кто-то просунул руку сквозь грудину и сжал его в кулаке. Один удар не произошёл. Второй. На третьем грудную клетку разорвало такой болью, что пришлось упереться ладонью в спинку кресла.

— Ник? — Марианна уже вставала.

Я поднял руку, запрещая ей приближаться. Она застыла, и мелькнувшая в её глазах обида прошла меня насквозь, но сейчас я не мог позволить ей коснуться. Не мог рисковать тем, что она прочтёт ответ в моей коже прежде, чем я сам пойму, что происходит.

«Как пропал?»

«Не знаю. Его нигде нет. Телефон недоступен. Охрана не видела, как он уходил. Зорич поднял всех, мы ищем уже больше двух часов. Папа...»

Она снова заплакала. Моя взрослая, упрямая девочка, которая могла улыбаться, стоя по колено в чужих внутренностях, сейчас плакала так беспомощно, что у меня заломило кости. Хотелось содрать с себя кожу, лишь бы перестать чувствовать эту боль, но она уже поселилась в каждой клетке и жадно разрасталась, высасывая воздух из лёгких.

«Я иду».

— Мне нужно в Нейтралитет, — сказал я вслух.

Марианна подошла, несмотря на запрещающий жест, и стиснула моё запястье.

— Ты разговаривал с Ками. — Не вопрос. Приговор.

— Она волнуется из-за одного своего дела.

— И поэтому ты выглядишь так, будто тебе снова принесли тела наших детей? — Я дёрнулся. Всего одно движение, но она почувствовала. Конечно, почувствовала, проклятая маленькая ведьма. Её пальцы сжались сильнее, а лицо побелело до серого оттенка.

— Кто из них?

— Никто, — отрезал я слишком резко. — Все живы.

Это было правдой. Я цеплялся за неё, как утопленник за проволоку, раздирая ладони и всё равно стискивая до мяса. Все живы. Пока мне не сообщили обратного, все мои дети живы.

Я притянул жену к себе, впился губами в её висок и вдохнул родной запах так глубоко, словно набивал им лёгкие перед погружением в бездну.

— Остайся здесь. Я скоро вернусь.

— Не смей закрывать меня в неведении, Николас. — Её голос стал холоднее, и под этой изморозью уже ворочался страх. Я знал: ещё немного, и Марианна разорвёт нашу связь силой, войдёт в моё сознание, даже если ей придётся выдрать оттуда правду вместе с кусками мозга.

— Один час, малыш. Дай мне один час, чтобы разобраться. Потом я сам всё расскажу. — Она молчала. Я поцеловал её ещё раз и переместился прежде, чем услышал бы отказ.

В пункте дежурных Нейтралитета пахло озоном, металлом и страхом. Последний запах был особенно насыщенным — терпким, почти сладким. Солдаты почувствовали появление Главы раньше, чем я обрёл форму, и вытянулись вдоль стен, стараясь не смотреть мне в лицо. Правильно. Я и сам не хотел бы сейчас видеть собственное лицо.

— Докладывайте. — Слово прозвучало негромко, но один из молодых нейтралов вздрогнул так, будто я заорал ему в ухо.

— Глава, около двух часов назад пропал сигнал метки Ярослава Мокану. Последняя фиксация — семейное поместье. Периметр не нарушен, охрана ничего не видела. Камеры...

Он запнулся.

— Что камеры?

— Запись за семь минут отсутствует. — Воздух в помещении начал замерзать. Я видел, как на металлической кромке стола выступает тонкий белый иней, как у дежурного синеют губы и дрожат ресницы. Семь минут. Кому-то хватило семи минут, чтобы войти в мой дом, взять моего сына и исчезнуть, оставив лучших солдат Нейтралитета стоять вокруг поместья декоративными изваяниями.

— Назови мне имена тех, кто дежурил.

— Глава...

— Имена. — Он перечислил. Пятеро. Я запомнил каждого. Где-то внутри уже раскладывал инструменты на столе и представлял, как буду снимать с них кожу узкими полосами, не позволяя потерять сознание. Не потому, что считал их виновными. Потому что они не увидели. Не услышали. Не умерли, в конце концов, прежде чем позволили кому-то забрать моего мальчика.

— Закрыть все переходы. Поднять пограничные посты. Ни одно существо не пересекает границы без проверки сознания. Если будет сопротивляться — отделите голову от тела и проверьте обе части.

— Есть.

— Глава... — другой дежурный сделал шаг вперёд, сжимая в пальцах планшет. — У нас ещё одно исчезновение.

Я медленно повернул к нему голову.

— Кто?

— Агент Медуза. Несколько часов назад она должна была прибыть на тренировку, но не появилась. Сигнал метки пропал почти одновременно с меткой вашего сына. — Медуза.

Имя ударило в висок. Перед глазами возникло кукольное лицо Ами, её серебряные волосы, тёмно-синие глаза, в которых всегда жила насмешка над всем миром. Потом — взгляд Сэма, когда он смотрел на неё, забывая на несколько драгоценных мгновений изображать мертвеца. Я видел это. Видел и молчал, потому что впервые за долгие годы мой сын начал улыбаться не так, будто оскаливался перед тем, как перегрызть кому-то горло.

Теперь эта дрянь исчезла вместе с Ярославом.

— Совпадение? — спросил я, хотя уже знал ответ.

Дежурный побледнел ещё сильнее.

— Нет, Глава. — Он протянул мне фотографию. Не планшет — именно фотографию, распечатанную на обычной бумаге. Кто-то хотел, чтобы я держал её в руках. Чтобы почувствовал шероховатую поверхность пальцами и не смог стереть изображение одним движением по экрану.

Чёрно-белый снимок. Улица смертного города, размытые силуэты прохожих. Амира Шай в длинном светлом пальто, волосы спрятаны под капюшоном. Одной рукой она сжимала запястье Ярослава и тащила его за собой. Мой мальчик едва поспевал, повернув голову назад. Его лицо получилось нечётким, но я всё равно увидел страх.

Бумага смялась в моих пальцах.

Что-то тёплое брызнуло мне на лицо. Я не сразу понял, что дежурный, стоявший ближе остальных, рухнул на колени. Из его носа и ушей текла кровь, глаза налились ею до черноты. Моя энергия вдавливала его в каменный пол, ломая рёбра одно за другим. Сухой хруст почему-то действовал успокаивающе. Как счёт. Первое ребро. Второе. Третье.

— Ник... — Зорич произнёс моё имя очень тихо, но я услышал. Обернулся и увидел, что ищейка стоит у входа, закрывая собой остальных.

— Отпусти его. Он ничего не знает.

— Именно поэтому он мне больше не нужен. — Дежурный захрипел, выплёвывая на пол розовую пену. Его грудь уже провалилась внутрь с одной стороны. Ещё немного, и обломок кости войдёт в сердце.

— Он нужен Нейтралитету, — твёрдо сказал Зорич. — А тебе нужен сын. Не труп солдата под ногами.

Я посмотрел на распростёртого мужчину. Совсем молодой. Возможно, у него тоже были родители, которые сейчас не знали, что их ребёнок корчится на полу под сапогами собственного Главы. От этой мысли меня не проняло жалостью. Только бешенством: они хотя бы знали, где он.

Я убрал энергию. Нейтрал обмяк, захлёбываясь стоном. К нему бросились двое, но я поднял ладонь.

— Пусть лежит. Боль полезна для памяти. Возможно, в следующий раз он вспомнит о пропавшем агенте раньше, чем тот выведет моего ребёнка из дома.

— Глава, — Зорич осторожно приблизился, — на фотографии Ярослав идёт сам.

Я снова расправил смятый лист. Разгладил большим пальцем лицо сына. Идёт сам? Ами так сильно стискивала его запястье, что даже на чёрно-белом снимке я видел тёмные следы её пальцев.

— Ты хочешь сказать, что мой сын добровольно решил прогуляться с предательницей?

— Я хочу сказать, что на нём нет следов борьбы.

— А на охране нет следов нападения. Может, они тоже добровольно решили ослепнуть на семь минут? — Зорич стиснул челюсти. Он что-то скрывал. Не факт — ощущение, неприятно скользнувшее по затылку.

— Где Сэм?

— Уже здесь, — ответил за него голос от двери.

Я не обернулся сразу. Не хотел видеть лицо сына в момент, когда покажу ему фотографию. Какая ирония. Я, заставивший его смотреть, как умирают родители, вдруг испугался ещё одной картинки в его памяти.

Шторм прошёл через зал, и солдаты расступились перед ним. Высокий, широкоплечий, затянутый в чёрную форму, с беспорядочно выжущимися чёрными волосами, моими проклятыми скулами, моим ртом и той нечеловеческой красотой Мокану, которая выглядела почти непристойной на существе, созданном убивать. Только глаза полностью чёрные — две дыры, которые он собственноручно выжиг в своём лице, лишь бы уничтожить последнее очевидное сходство со мной. Мой сын выглядел так, будто его уже похоронили, но забыли объяснить телу, что пора лечь в могилу.

Он остановился напротив.

— Что с Яром? — Ни приветствия. Ни обращения по званию. И голос спокойный настолько, что у меня пересохло во рту. Я знал эту степень спокойствия. За ней всегда лежало мясо.

Молча протянул фотографию.

Сэм посмотрел. Не вздрогнул. Не изменился в лице. Только пальцы стиснули край листа, и бумага разрежала кожу. Кровь тонкой линией стекла по его ладони.

— Где это снято?

— Пока устанавливаем.

— Кто передал снимок?

— Анонимный источник.

— Значит, нас заставили его увидеть. — Умница. Даже сейчас думает. Даже когда кровь уже капает на пол, а в черноте глаз начинает закручиваться шторм, способный вырвать из земли целые города.

— Она забрала его, — сказал я, внимательно следя за реакцией.

— Я вижу.

— Ты поручился за неё. — Вот теперь попал. Не громкостью, не обвинением — спокойным напоминанием. Сэм медленно поднял голову, и меня будто полоснули по горлу ледяной проволокой. В его взгляде не было растерянности обманутого любовника. Только унижение. Грязное, едкое, разъедающее изнутри. Я заставил его отвечать за женщину, которой он позволил приблизиться, и сделал это перед солдатами.

— Остальные вон, — приказал он.

Никто не пошевелился. Тогда Сэм усмехнулся, не сводя с меня глаз.

— Ах да. Я забыл, чьи они собаки.

— Вон, — повторил я.

Зал опустел мгновенно. Зорич вышел последним, унося с собой раненого дежурного. Мы остались вдвоём среди запаха крови и инея.

— Скажи, — начал Сэм, разглаживая фотографию ладонью, — ты наслаждаешься?

— Чем именно?

— Тем, что оказался прав. Ты ведь ждал. Следил за ней, копался в каждом взгляде и надеялся, что маленькая шлюха однажды покажет клыки, чтобы ткнуть меня в них мордой.

— Если бы я надеялся, она не прожила бы в Нейтралитете и часа.

— Но ты не доверял ей.

— Я не доверяю никому рядом с моими детьми.

— Кроме себя, конечно. — Удар пришёл точно под рёбра. Я медленно улыбнулся, хотя внутри что-то рванулось, оставляя кровоточащую борозду.

— Даже себе, Шторм. Особенно себе. — Он опустил взгляд на снимок. На секунду мне показалось, что губы сына дрогнули. Не от слёз — Сэм давно запретил себе плакать. Но боль всё равно нашла выход: натянула сухожилия на его шею, впиалась когтями в скулы, заставила челюсти сжаться до скрипа.

— Она бы не тронула Яра.

— Уже тронула.

— Не причинила бы ему вреда.

— На основании чего ты это решил? Того, как охотно она раздвигала перед тобой ноги? — Он оказался рядом раньше, чем я договорил. Кулак врезался мне в лицо, голова дёрнулась, во рту стало солоно. Я медленно повернулся обратно и слизнул кровь с разбитой губы.

— Полегчало?

— Нет.

— Тогда ударь ещё.

— Не провоцируй меня.

— Я пытаюсь заставить тебя думать. Есть мой сын. Есть женщина, которая вывела его из охраняемого дома, воспользовавшись твоим кодом. Всё остальное сейчас не имеет значения.

— Он и мой брат.

— Тогда води себя как брат, а не брошенный самец. — Чернота залила белки его глаз окончательно. Воздух вокруг нас завибрировал, по стенам поползли трещины. Сэм ненавидел меня сейчас почти чисто, без примеси той любви, которую я всё ещё ощущал в нём иногда. И это было хорошо. Ненависть удержит его на ногах. Ненависть заставит искать. Позже она же сожрёт его живьём, если Ами действительно предала.

— Я найду их, — произнёс он.

— Мы найдём.

— Нет. Я.

— Это приказ Главы.

— А это мой брат и моя женщина. — Первый раз. Впервые он назвал её своей не мысленно, не движением, не тем взглядом, который я ловил украдкой. Вслух. Здесь, передо мной, с фотографией её предательства в окровавленной руке.

— Если она твоя, — тихо спросил я, — почему ушла от тебя?

Жестоко. Намеренно. Я увидел, как слово входит в него и проворачивается внутри, кромсая всё, чего касается. Увидел — и ненависть к самому себе привычно расплзлась по венам. Но отступать было поздно. Мы не умели иначе. Ни я, ни он. Мы ласкали только тех, кого боялись сломать, а друг друга били точно в незажившее мясо, проверяя, кто первым закричит.

Сэм подошёл почти вплотную. В чёрных глазах медленно разгоралось нечто такое, от чего даже мне захотелось отступить.

— Отдай приказ взять её живой, Морт.

— Уже отдал.

— Отмени.

— Нет.

— Почему? Хочешь лично спросить, как ей понравилось унижать твоего сына?

— Я хочу узнать, зачем ей понадобился Ярослав.

— А после? — Я посмотрел на фотографию. На маленькую ладонь сына, исчезнувшую в пальцах Ами.

— После она ответит за каждую секунду страха твоего брата. — Сэм усмехнулся, но в этой усмешке не осталось ничего человеческого. Только скрежет льда по обнажённым костям.

— Возьмите её живой, — повторил он мой приказ, словно пробовал слова на вкус. — Хорошо. Пусть будет живой.

Он развернулся к выходу.

— Сэм. — Остановился, не оборачиваясь.

— Не смей убивать её до того, как мы узнаем правду. — Несколько секунд он молчал. Потом медленно повернул голову, и я увидел профиль своего мальчика — слишком похожий на мой, слишком красивый для того чудовища, которое уже просыпалось под его кожей.

— Если с Яром что-то случилось, — произнёс Сэм удивительно спокойно, — живой она не вернётся.

И исчез.

Я остался один, глядя на капли его крови на каменном полу. Они лежали рядом с кровью дежурного и казались совершенно одинаковыми.

Кровь всегда выглядит одинаково, от кого бы ни осталась — от чужого солдата, родного сына или женщины, которую он любит.

Разница начинается только тогда, когда приходится выбирать, чью остановить первой.

Глава 2

Я поняла, что брата нет, когда услышала тишину.

Не обычную — не ту сонную, вязкую тишину большого дома, где каждый звук поглощается дорогими коврами, тяжёлыми портьерами и вековыми стенами. Эта была другой. Мёртвой. Она лежала в коридоре возле комнаты Яра, как выпотрошенное тело, из которого кто-то аккуратно вынул все внутренности, вылизал кровь с пола и оставил только пустую оболочку, чтобы мы не сразу догадались, что произошло.

Я остановилась у двери, всё ещё держа в руках чашку с остывшим какао. На поверхности плавала белая плёнка, к краю прилип крошечный зефирный скорпион — Ярик любил выстраивать их в ряд и первым съедать самого кривого, потому что «уродцы не должны мучиться дольше остальных». Я раньше смеялась. Сейчас от воспоминания меня вывернуло вдоль позвоночника ледяной судорогой, и пальцы разжались сами.

Чашка упала. Фарфор разлетелся по полу белыми осколками, коричневая жидкость брызнула на мои босые ступни, но я ничего не почувствовала. Только тишину. Она набилась мне в рот, в уши, под кожу и раздувалась внутри, пока не стало нечем дышать.

— Яр? — Никто не ответил.

Я толкнула дверь.

Комната выглядела так, будто брат вышел всего на минуту. На кровати лежала раскрытая книга о скорпионах, поверх страниц — увеличительное стекло. Один носок валялся под креслом, второй висел на спинке. Голубой хрустальный меч аккуратно стоял возле зеркала, хотя Яр никогда не убирал его добровольно, и мы с мамой по очереди грозились выбросить оружие из окна, если однажды кто-то из нас напорется на него ночью.

На письменном столе мигал телефон.

Я подошла на негнущихся ногах и коснулась экрана. Семнадцать пропущенных от меня. Пять от мамы. Два от Зорича, которого я позвала после первых десяти минут поисков. Ярик никогда не уходил без телефона. Он мог забыть куртку зимой, обувь, собственную голову, если бы она не была прикреплена к шее, но не телефон — там находилась игра, в которой он выращивал колонию императорских скорпионов и относился к этим цифровым тварям серьезнее, чем отец к половине Нейтралитета.

— Яр, — повторила я уже громче, будто он мог спрятаться под кроватью и сейчас выскочить, довольный своим идиотским розыгрышем. — Выходи. Я не буду ругаться.

Молчание.

Меня начало трясти. Мелко, изнутри, словно кости вдруг покрылись инеем и теперь стучали друг о друга, пытаясь согреться. Я опустилась на колени и заглянула под кровать. Пусто. Распахнула шкаф. Сдёрнула одежду с вешалок, перебирая её руками, как безумная, хотя прекрасно понимала, что мальчик не мог спрятаться между своими рубашками и куртками. Проверила ванную. Балкон. Даже сундук с игрушками, в который он не помещался уже несколько лет.

Только потом увидела зеркало.

Оно было чистым. Слишком чистым. Ни единого отпечатка, хотя Яр постоянно прижимался к нему ладонями и носом, разглядывая собственные глаза, когда они меняли оттенок. На полу перед зеркалом лежала одна маленькая чёрная чешуйка. Я подняла её двумя пальцами и поняла, что это засохший кусочек крови.

Воспоминание ударило так резко, что меня отбросило назад.

Я снова увидела Яра с мечом. Его тонкую фигуру перед зеркалом, слишком прямую спину, склонённую голову. Услышала собственный срывающийся голос: «Он разговаривает,

Сэм». И ответ брата — спокойный, снисходительный, почти ласковый: «Он ребёнок. Просто играет».

Я позволила ему убедить себя.

Не потому, что поверила. Потому что хотела поверить. Потому что рядом стоял мой старший брат, сильный, всезнающий, способный заглянуть в будущее и чужую голову, и мне до жалкого, постыдного всхлипа захотелось переложить свой страх ему в руки. На, Сэм, поддержи. Скажи, что он ненастоящий. Скажи, что я устала, что мне померещилось, что в нашем доме нет ничего страшнее воспоминаний о том, как родители уничтожали друг друга.

Он сказал.

А я с благодарностью позволила ему ошибиться.

Меня согнуло пополам. Лоб ударился о край кровати, и боль вспыхнула перед глазами белым светом, но этого оказалось недостаточно. Я ударилась ещё раз. Сильнее. Ещё. Пока кожа не лопнула и по переносице не потекло горячее.

— Это я, — прошептала я, размазывая кровь по лицу. — Я видела. Я знала... я знала, чёрт меня раздери.

Дверь распахнулась. Зорич возник рядом, перехватил меня за плечи и оттащил от кровати прежде, чем я успела снова разбить голову.

— Прекрати.

— Пусти меня! — Я рванулась, но он стиснул сильнее. Его неподвижное лицо казалось вырезанным из серого камня, и только глаза выдавали, что внутри ищейки тоже что-то рушится.

— Камилла, прекрати.

— Я видела! — закричала ему в лицо, захлёбываясь воздухом и слезами. — Я говорила Сэму, что Яр с кем-то разговаривает! Я привела его сюда! Показала! А потом позволила убедить себя, что сошла с ума!

— Где зеркало?

— Что? — Зорич резко обернулся.

Стена напротив была пустой.

Я застыла. Только что зеркало находилось там. Я видела его. Видела засохшую кровь на полу, видела меч рядом. Теперь остался один меч, прислонённый к голой стене, и бледный прямоугольник на обоях, будто зеркало сняли несколько часов назад.

— Оно было здесь, — прошептала я.

Ищейка медленно отпустил мои плечи.

— Какое зеркало?

— Его зеркало. Огромное, в чёрной раме. Оно всегда стояло здесь.

— Я бы знал.

— Что именно ты бы знал?

— Что в комнате сына Главы находится предмет, которого нет ни в одной описи. — Меня затошнило. Я оглянулась на стену, и на мгновение показалось, что бледный прямоугольник дрогнул, будто поверхность воды под ветром.

— Позови отца.

— Уже.

— Нет, — я схватила Зорича за форму, притянула к себе. — Не Главу. Позови папу. Слышишь? Мне нужен мой папа.

Собственные слова разодрали горло изнутри. Я давно не произносила их с такой беспомощной уверенностью, будто достаточно позвать — и отец обязательно явится, огромный, красивый, страшный, с ледяным бешенством в побелевших глазах, а весь мир торопливо вернёт ему украденное, лишь бы не оказаться под его сапогами. В детстве это казалось непреложным законом: папа может всё. Убить чудовище. Поднять мёртвого. Остановить кровь одним

прикосновением. Только потом я узнала, что иногда чудовищем становился он сам, мёртвым оказывался тот, кого уже не воскресить, а кровь текла именно из ран, оставленных его руками. Но сейчас мне снова хотелось быть маленькой и глупой. Хотелось верить в отца так же слепо, как когда-то верил Сэм, пока эта вера не вспорола ему живот и не вывалила внутренности прямо под ноги.

Если папа не вернёт Яра, значит, законов больше нет. Никаких. Останется лишь Ад, в котором наша семья снова будет искать друг друга среди обугленных тел.

Он посмотрел на меня так, будто я попросила оживить мёртвого. Наверное, в каком-то смысле именно это и сделала. Морт мог поднять весь Нейтралитет, перекрыть границы, содрать кожу с виновных. Но мне сейчас нужен был не он. Мне нужен был мужчина, который когда-то вешал флаг со скорпионом на башню, потому что маленький сын считал только отца достаточно сильным для такого задания.

— Я вызвал его, — сказал Зорич тише. — Он придёт.

— А Сэм?

— Тоже. — Сердце сжалось до боли. Мне захотелось увидеть старшего брата и одновременно выпарапать ему глаза. Прижаться к нему, уткнуться в широкую грудь и закричать, что он должен всё исправить. А потом бить кулаками по лицу, пока под пальцами не хрустнут его идеальные кости.

Потому что он мне не поверил.

Потому что я сама позволила ему не поверить.

◆ ◆ ◆

Я ушёл сам.

Повторял это про себя снова и снова, пока Ами тащила меня за руку через толпу. Не похитила. Не заставила. Не заколдовала. Я сам открыл дверь, сам прошёл мимо охраны и вложил ладонь в её пальцы.

Просто, если я перестану это повторять, станет слишком страшно.

Люди толкались вокруг, пахли потом, кофе, мокрой одеждой. Они не смотрели на нас. Ами сделала что-то с их глазами, и теперь все отворачивались прежде, чем замечали женщину в светлом пальто и мальчика, который едва успевал за ней.

— Ты делаешь мне больно, — сказал я.

Она ослабила пальцы, но не отпустила.

— Прости.

— Агары умеют просить прощения? — Ами резко посмотрела на меня. Под капюшоном её глаза казались почти чёрными, хотя я знал, что они синие. Грозовые, как небо перед бурей, тогда как у Сэма вместо неба оставались две выжженные им самим чёрные бездны.

— Кто научил тебя этому слову?

— Я не маленький.

— Этого я и боюсь. — Она снова потянула меня вперёд. Я оглянулся, но знакомой улицы уже не видел. Дома вокруг стали ниже, грязнее. В витринах отражались чужие лица, однако в каждом стекле за моей спиной стоял он.

Высокий мужчина в чёрном.

Сначала я думал, что это отец. Потом — Сэм. Иногда лицо менялось так быстро, что я больше не понимал, кого вижу. Только глаза всегда оставались одинаковыми — пустыми, серебряными, как два маленьких зеркала.

«Не оглядывайся», — произнёс он внутри моей головы.

Я оглянулся снова.

Никого.

— Он идёт за нами, — сказал я.

Ами остановилась так резко, что я врезался в неё. Присела передо мной, стиснула ладонями плечи и посмотрела прямо в глаза.

— Не отвечай ему.

— Я не отвечаю.

— Ты сейчас солгал. — Я опустил голову. Сердце стучало громко и неровно. Мне стало обидно. Все постоянно думали, что имеют право командовать мной. Мама спрашивала, поел ли я. Ками проверяла домашние задания. Папа присылал охрану даже в туалет. Сэм появлялся три раза в год и всё равно считал, что может погладить меня по голове, будто этого достаточно, чтобы оставаться моим братом.

Только он никогда не говорил, что я маленький.

«Потому что ты не маленький, Ярослав. Ты единственный из них видишь правду».

— Он хороший, — пробормотал я.

Лицо Ами изменилось. На одну секунду стало совершенно другим — старше, испуганнее. Потом вернулось обратно, но я уже увидел.

— Что он тебе обещал?

— Ничего. — Она сильнее сжала мои плечи.

— Яр, послушай. Я тоже умею лгать так, что мне верят короли. Я знаю, как ложь пахнет, как смотрит, как дышит. И сейчас она дышит твоим ртом. Что он обещал? — В горле встал комок. Я ненавидел её в эту секунду. За то, что она увидела. За то, что заставляла сказать вслух самое жалкое.

— Что у меня будет своё.

— Что именно?

— Не твоё дело. — Ами закрыла глаза. Её пальцы дрогнули, и мне стало стыдно. Она ведь пришла, когда я позвал. Никто другой не услышал, а она услышала. Ночью появилась возле зеркала в моей комнате и спросила, с кем я разговариваю. Я не хотел рассказывать, но отражение приказало уйти с ней. Сказало, что она отведёт меня туда, где всё начнётся.

— Семью? — спросила Ами. — Он обещал тебе семью, которая будет принадлежать только тебе?

Я резко отвернулся. По щекам стало горячо.

— У меня есть семья.

— Я знаю.

— Не знаешь! — крикнул я, и несколько прохожих всё-таки посмотрели в нашу сторону, но тут же забыли. — Мама принадлежит Сэму. Она всегда ждёт его, даже когда сидит рядом со мной. Папа принадлежит Ками. Он зовёт её принцессой, а меня — мужчиной, когда хочет, чтобы я не плакал. Даже день рождения у меня забрала Лика!

Последние слова сорвались визгом. Я замолчал, испугавшись самого себя. Слёзы уже текли по лицу, и я стирал их кулаком, злясь, что отец оказался прав: мужчиной я пока не стал.

Ами не засмеялась. Не сказала, что я говорю глупости. Она обняла меня.

Совсем ненадолго, прижав моё лицо к своему плечу. От неё пахло странными цветами и Сэмом. Запах брата вьёлся в её кожу, и от этого я заплакал сильнее, захлёбываясь, как маленький.

— Они любят тебя, — прошептала она мне в волосы.

— Всех любят больше.

— Любовь не делят кусками, Яр.

— Врёшь. У вас с Сэмом она именно такая. Вы откусываете друг от друга куски, а потом злитесь, что вам всё равно мало. — Ами отстранилась. Посмотрела ошарашенно, и я испытал злое удовольствие. Пусть знает, что я всё видел. Как она смотрит на него. Как Сэм пытается не смотреть. Как мама оживает, когда появляется мой старший брат, а отец выходит из комнаты, будто его попросили уйти, хотя никто не произнёс ни слова.

Взрослые считают детей слепыми, потому что сами не хотят видеть очевидное.

— Ты слишком умный, — тихо сказала Ами.

— Нет. Просто для остальных я прозрачный. — Её взгляд стал болезненным. Так на меня иногда смотрела мама, когда думала, что я не замечаю. Будто пыталась вспомнить, в какой момент забыла дать мне что-то важное.

— Послушай меня, маленький скорпион, — Ами снова взяла меня за руку. — Тот, кто разговаривает с тобой из зеркала, ничего тебе не подарит. Он заберёт единственное, что действительно принадлежит только тебе.

— Что?

— Тебя самого. — Стало холодно. Не на улице — внутри живота. Я посмотрел в витрину. Мужчина в чёрном стоял прямо за Ами и улыбался.

«Она хочет забрать тебя себе. Как все остальные».

— Замолчи, — прошептал я.

— Что он говорит?

— Ничего. — «Она отдаст тебя Шторму. А он отдаст отцу. Они запрут тебя, раскроют голову и будут копаться внутри, пока от тебя ничего не останется».

Я выдернул руку из пальцев Ами.

— Ты ведёшь меня к Сэму?

— Нет.

— К отцу? — Она задержалась с ответом всего на секунду. Этого хватило.

— Ты обещала!

— Я обещала вывести тебя из дома до того, как оно войдёт в кого-то из вашей семьи. Я не обещала, что мы никогда не вернёмся.

— Не хочу возвращаться! — Я отступил, задевая спиной стекло витрины. По поверхности пошла рябь. Ами побледнела и бросилась ко мне, но отражение оказалось быстрее.

Холодные пальцы сомкнулись вокруг моего запястья с другой стороны стекла.

Боль была такой, словно руку засунули в мясорубку. Кости закручивались одна вокруг другой, кожа натянулась и начала лопаться. Я закричал. Люди продолжали идти мимо, не замечая, как мальчика пожирает собственное отражение.

Ами вцепилась в меня обеими руками и рванула на себя. Её лицо менялось десятки раз за секунду: белые волосы становились чёрными, кожа темнела, глаза полыхали всеми цветами. Она кричала что-то на незнакомом языке. Стекло треснуло. По моей ладони потекла кровь, и отражение слизнуло её с внутренней стороны витрины длинным серым языком.

Потом хватка исчезла.

Я рухнул на колени. Ами прижала мою изломанную руку к своей груди. Кости под кожей двигались, возвращаясь на место, но боль не проходила. Я выл, уткнувшись в её пальто, и звал папу.

Не Сэма. Не маму. Папу.

Ами плакала вместе со мной. Беззвучно, яростно, с ненавистью глядя на витрину.

— Теперь понимаешь? — прошептала она. — Оно не твоё, Яр. Это ты уже почти его.

Я кивнул, захлёбываясь слезами.

— Папа найдёт нас?

— Обязательно.

— Он тебя убьёт.

— Скорее всего.

— А Сэм? — Она посмотрела на меня, и в её тёмно-синих глазах оказалось столько боли, что моя собственная на мгновение стала меньше.

— Сначала убьёт, — ответила Ами. — Потом, возможно, спросит зачем.

Она подняла меня на руки. Я был уже слишком большим, но не стал спорить. Прижался к ней и закрыл глаза, продолжая тихо скулить, пока кости срастались под кожей.

Через несколько минут мы сели в машину. Ами усадила меня сзади, пристегнула и накрыла курткой. Я смотрел на неё сквозь слёзы, чувствуя, как пульсирует раздробленная рука.

— Не смотри в окна, — приказала она. — Ни в стекло. Ни в зеркала. Закрой глаза и думай о семье.

— О ком? — Она завела двигатель.

— О том, кто любит тебя сильнее всех. — Я хотел сказать, что не знаю. Потом вспомнил папу на крыше нашей башни. Огромного, страшного Главу Нейтралитета, который держал в зубах верёвку и крепил мой флаг под дождём, пока я командовал снизу. Он ругался, обещал скормить меня скорпионам и всё равно переделывал три раза, потому что герб висел недостаточно ровно.

Я закрыл глаза.

Машина тронулась.

Долго я выдержать не смог. Приоткрыл веки и посмотрел в боковое стекло.

В отражении рядом сидел мальчик с моим лицом. Он повернул ко мне голову.

Я не улыбался.

А он улыбнулся.

Глава 3

Её комната всё ещё пахла мной.

Не духами, не восточными цветами, которые всегда следовали за Ами шлейфом порочного обещания, заставляя мужчин забывать имена собственных жён, а женщин сжимать бёдра от одного её движения. Мной. Моей кожей, кровью, злостью. Тем терпким запахом нейтрала, который въелся в простыни, в чёрный шёлк халата, брошенного на спинку кресла, в подушку с неглубокой вмятиной от её головы. Даже воздух здесь принадлежал мне больше, чем она когда-либо соглашалась принадлежать.

От этого открытия меня перекосило так, будто кто-то просунул руку под рёбра и медленно вывернул внутренности наружу, одну за другой раскладывая на белой постели, где ещё несколько часов назад она спала, сворачивалась клубком и зло отталкивала мою ладонь, если я случайно касался её во сне.

Случайно. Разумеется.

Я никогда не обнимал женщин. Не оставался рядом после секса. Не терпел чужого дыхания у своей шеи, волос на груди и тёплых пальцев, которые могли коснуться без разрешения. Но с Ами всё происходило случайно. Случайно я просыпался в её кровати. Случайно обнаруживал ладонь на тонкой талии. Случайно позволял ей уткнуться лицом мне в плечо и несколько минут лежал неподвижно, слушая её сонное дыхание, пока брезгливость не вспоминала, что обязана явиться.

Теперь комната была пустой, и меня впервые в жизни тошнило не от следов чужого тела, а от их отсутствия.

Я закрыл дверь и повернул ключ. Бессмысленно. Ни один нейтрал не станет мешать командиру обыскивать помещение подозреваемой. Тем более подозреваемой, которая несколько недель жила в его постели, пользовалась его защитой, его кодами и, судя по фотографии, его безмозглой уверенностью.

Снял перчатки. Медленно, палец за пальцем, стараясь не смотреть на кровать. Кожа ладони всё ещё была рассечена бумагой. Кровь запеклась тонкой полосой, и я содрал корочку ногтем, наслаждаясь короткой болью. Она отрезвляла. Напоминала, что сейчас я здесь не как мужчина Ами.

Не её мужчина.

Каратель Шторм проводил обыск комнаты агента Медузы.

Разница простая. Почти безболезненная, если не считать того, что где-то под грудиной с каждым ударом сердца разрывалось мясо.

Я начал со шкафа. Выбрасывал одежду на пол, проверял швы, подкладки, каблуки туфель. Ами любила красивые вещи не так, как обычные женщины. Для неё платье было не одеждой — оружием. Она знала, какой вырез заставит нужного мужчину смотреть на грудь вместо рук, прячущих лезвие; какой цвет волос вызовет доверие; как поставить ногу, чтобы собеседник уже представлял её обнажённой и не заметил яд на краю бокала.

Сучка превратила собственное тело в арсенал задолго до встречи со мной.

Я вытащил чёрное платье, которое сам выбрал для операции с Рафаэлем. Камни холодно блеснули на ткани. Перед глазами мгновенно возникла она — идёт через зал, обнажённые плечи сияют под светом, спина прямая, бёдра двигаются с той медленной уверенностью, от которой мне хотелось выдрать глаза каждому самцу вокруг. Я тогда называл это контролем операции. Профессиональным наблюдением.

Сейчас даже лгать себе оказалось униительно.

Прижал ткань к лицу и вдохнул.

Её запах был слабым, почти исчезнувшим, но тело узнало раньше сознания. Мышцы живота сжались, в паху болезненно дёрнулось, а вдоль позвоночника прошла горячая дрожь. Вспомнил, как под этой тканью не было белья. Как Ами прижималась спиной к стене, смотрела на меня синими глазами и предлагала забрать спрятанное между грудей самому.

Тогда она тоже выполняла задание.

И тоже что-то скрывала.

Я швырнул платье на пол и наступил на него сапогом. Камни хрустнули. Один впился сквозь подошву, и это почему-то принесло отвратительное удовлетворение.

— Нравится топтать то, что тебе дорого? — Голос отца прозвучал за спиной.

Я не обернулся. Даже сердце не ускорилося — его присутствие я почувствовал раньше, просто решил не замечать. Морт стоял за дверью несколько минут и наблюдал, как его сильный, хладнокровный сын нюхает платье сбежавшей женщины, словно последний изголодавшийся пёс.

Унижение наполнило рот металлическим привкусом.

— Ты всегдаходишь без стука или только когда надеешься застать меня на коленях?

— На коленях ты пока только перед её тряпками. — Я медленно повернулся. Разбитая губа отца уже затянулась, но на коже оставался след моей крови. Нет, его собственной. Просто мне хотелось думать, что хоть что-то моё задержалось на нём дольше нескольких минут.

Ник выглядел пугающе спокойным и до ненависти красивым — той нечеловеческой, порочной красотой, от которой смертные забывали дышать, а бессмертные слишком поздно вспоминали об опасности. Высокий, широкоплечий, в чёрном пальто поверх расстёгнутой у горла белой рубашки. Чёрные волосы ещё хранили следы пальцев моей темноволосой матери, а в глазах не осталось ни единой синей искры — только белёсая пустота, которую он когда-то вытравил сам. Синими его глаза становились теперь лишь для семьи. Для меня — почти никогда. Глава пришёл лично посмотреть, насколько жалким оказался его сын.

— Я провожу обыск, — сказал я.

— Вижу. Особенно тщательно ты обыскал декольте платья.

— Ревнуешь к чужим привычкам? Тебе ведь нравится закапываться лицом в вещи женщин, когда они исчезают. — Зрочки Ника дрогнули, на мгновение вспыхнув синим. Попал. И от этого стало легче, как всегда становилось легче, когда удавалось содрать с Морта кожу и увидеть под ней отца — живого, уязвимого, бешеного.

Он посмотрел на раздавленное платье.

— Передай поиски Зоричу. — Я рассмеялся, хотя звук вышел сухим и надломленным.

— Так быстро? Несколько часов назад ты обвинял меня в том, что я думаю членом. Теперь боишься, что думать вообще перестану?

— Уже перестал. В противном случае начал бы с проверки следов, а не с нижнего белья.

— Здесь нет её белья. — Слова вылетели прежде, чем успел остановить. Ник приподнял бровь, и мне захотелось вырвать ему глаза, чтобы не видеть, как в белёсой глубине загорается издевательское понимание.

— Ценное наблюдение, Штурм. — Я отвернулся к шкафу. Пустые вешалки качались от моих движений. И только сейчас увидел очевидное. Не было трёх дорожных костюмов, тёплой куртки, сапог без каблука. Исчезла сумка, которую Ами использовала во время заданий. Нижнее бельё. Личные клинки. Набор препаратов.

Она собиралась.

Не бежала в панике, услышав зов Яра. Не хватала первое попавшееся. Амира Шай готовилась к дороге и сделала это рядом со мной. Пока я спал, тренировался, спорил с отцом. Возможно, улыбалась мне, уже зная день и час, когда исчезнет.

В груди что-то лопнуло. Я резко схватился за дверцу шкафа. Дерево треснуло под пальцами, щепки вошли под ногти.

— Она готовилась заранее, — сказал Ник.

— Я вижу.

— Поэтому передай дело Зоричу.

— Нет.

— Это не просьба.

— Тогда зачем ты повторяешь? Отдай приказ и попробуй заставить меня выполнить. —

Он приблизился. Воздух между нами стал плотным, тяжёлым. Энергия отца давила на плечи, предлагая склонить голову. Моя поднялась выше.

— Ты действительно хочешь сейчас мериться со мной силой, мальчик?

— Я хочу найти брата.

— Ты хочешь найти женщину и спросить, почему она предпочла тебе кого-то другого. —

Ударил не кулаком. Энергией. Точно в грудь. Ника отбросило к стене, но он даже не попытался защититься — позволил спине врезаться в камень, позволил штукатурке осыпаться на плечи. Затем медленно выпрямился и улыбнулся.

— Значит, угадал.

— Убирайся.

— Это дом Нейтралитета.

— Тогда прикажи мне убираться самому. — Мы смотрели друг на друга, и комната словно уменьшалась, не выдерживая двух Мокану, каждый из которых предпочёл бы разорвать собственное сердце, лишь бы не показать другому, насколько больно.

Отец первым отвёл взгляд.

— У тебя два часа. Потом Зорич принимает дело независимо от твоего желания.

— Щедро.

— Не благодари. Если облажаешься, я напому об этих двух часах на твоей казни.

— Встанешь рядом с палачом или сам возьмёшь топор?

— Сам, — ответил Ник без паузы. — Никому не доверю голову собственного сына.

Подтекст повис между нами, как петля. Он убьёт меня сам. Он спасёт меня от чужих рук. Он не позволит никому забрать то, что считает своим, даже если придётся уничтожить собственноручно.

Ненавижу.

Иногда это слово становилось единственным, на чём я мог удержаться рядом с ним.

— Вон. — Ник исчез. На месте, где он стоял, ещё несколько секунд клубилась тёмная дымка.

Я заставил себя продолжить.

Под кроватью нашёл пустой футляр от метательных игл. В ванной — вычищенную полку, где раньше стояли препараты для смены формы. Ами забрала только необходимое для долгой дороги, оставив драгоценности и одежду. Деньги ей были не нужны. Значит, она знала, куда направляется и кто обеспечит остальное.

Ибрагим.

Имя всплыло в сознании жирной чёрной кляксой. Создатель. Хозяин. Изуродованный евнух, вырастивший Ами как оружие и впрыснувший ненависть ей в кровь раньше, чем она научилась говорить. Она уверяла, что больше ему не принадлежит.

Я поверил.

Возможно, именно это оказалось самым унижительным. Не то, что она сбежала. Не фотография. Не понимающие взгляды солдат. Я, способный разломать чужой разум, не заглядывал в её голову, потому что она просила. Потому что однажды сказала: «Если ты хочешь получить правду, не воруй её. Спроси».

Я спросил.

Она лгала.

Стиснул край стола так, что металл прогнулся. Хотелось найти её прямо сейчас, швырнуть на колени и вскрыть сознание от затылка до лба. Вытянуть каждую тайну вместе с нервами. Показать маленькой дряни, чего стоило моё доверие и как дорого она заплатит за то, что заставила Шторма почувствовать себя человеком.

На подушке лежал её волос. Длинный, серебристый. Я поднял его и намотал на палец. Всего один эмоциональный след. Этого достаточно.

Закрыл глаза.

Энергия вошла в тонкую нить, скользнула по структуре, отыскивая хозяйку. Обычно чужая вещь начинала пульсировать воспоминаниями: образами, запахами, страхами. Я мог пройти по ним, как по натянутой струне, даже если цель находилась между мирами.

Волос остался мёртвым.

Ничего.

Я усилил давление. Серебристая нить впилась в кожу, перерезая палец. Кровь выступила вокруг неё алым кольцом.

Пустота.

Не отсутствие следа. Намеренно созданная пустота хамелеона — безупречно вычищенное пространство, в котором не оставалось ни любви, ни ненависти, ни страха. Ами не просто скрылась. Она заранее уничтожила все дороги, по которым я мог бы прийти.

— Умница, — прошептал я и сам не узнал своего голоса. — Какая же ты умница, маленькая сука.

Горло сжалось. Я продолжал давить, пока волос не вспыхнул между пальцами и не рассыпался пеплом. Вместе с ним исчез последний слабый запах.

Сел на кровать. Матрас прогнулся, и тело сразу вспомнило её вес рядом. Как она вставала на колени, склонялась надо мной, серебряные волосы падали на мою грудь, а сапфировые глаза насмешливо изучали лицо, когда я запрещал касаться. Как однажды всё-таки приложила ладонь к моей щеке и замерла, ожидая удара.

Я не ударил.

Это было моим признанием. Единственным, на которое оказался способен.

А она использовала мою слабость, чтобы забрать брата.

Под подушкой что-то хрустнуло. Я резко поднялся и сорвал наволочку. В шве белел узкий край бумаги. Лезвием распорол ткань, вытащил сложенную записку.

Одна строка. Её почерк.

«Не ищи меня, если хочешь вернуть брата живым».

Прочёл дважды. Трижды. Каждая буква впивалась в глаза раскалённым крюком.

Не просьба. Приказ.

Она знала, что я приду сюда. Знала, где буду искать. Знала даже, на какой стороне кровати подниму подушку, потому что сама приучила меня спать ближе к двери, а затем постепенно вытеснила на свою половину.

Бумага задрожала в пальцах.

— Шантажируешь меня моим братом, Ами? — Я засмеялся. Громко, запрокинув голову. Смех рвал глотку, переходил в хрип, но остановиться не получалось. В какой-то момент по щеке скользнуло что-то горячее. Я провёл пальцами и посмотрел на влагу с таким недоумением, будто она принадлежала чужому телу.

Слеза.

Всего одна. Жалкая, тошнотворная капля, которую я растёр по лицу окровавленной ладонью.

— Молодец, куколка. Ты заставила Шторма плакать. — Это унижение она тоже оплатит.

Первым порывом было сжечь записку. Вместо этого сложил её и убрал во внутренний карман формы — ближе к сердцу, которого, по моим утверждениям, у меня давно не существовало.

Дверь открылась. Лизард остался на пороге.

— Командир.

— Я занят.

— Нашли маршрут. Камеры вывели их к старому транспортному узлу. Дальше пусто.

— Блокировка?

— Снята личным кодом допуска. — Я поднял голову.

— Чьим? — Лизард молчал слишком долго. Этого хватило, чтобы холод снова поднялся вдоль позвоночника.

— Говори.

— Твоим, Штурм. — Комната качнулась. Стены приблизились и ударили меня разом со всех сторон. Мой код не хранился ни в одном устройстве. Его невозможно было украсть из базы или подсмотреть. Я передал его Ами сам — однажды ночью, когда она возвращалась с задания и не могла пройти через закрытую зону. Она спросила, доверяю ли я ей.

Я ответил кодом.

Теперь этим доверием открыли дорогу, по которой увели моего брата.

В памяти ожила та ночь с издевательской, почти осязаемой чёткостью. Ами вернулась раненой, со вспоротым боком и чужой кровью на серебряных волосах, но вместо того, чтобы позволить медикам приблизиться, заперлась в своей комнате. Я нашёл её на полу ванной. Она сидела среди осколков разбитого зеркала, обхватив колени, и впервые не меняла лицо, чтобы спрятать страх. Сапфировые глаза казались огромными на побелевшем лице, губы дрожали, хотя маленькая упрямая дрянь всё равно усмехнулась и спросила, пришёл ли я полюбоваться, какдохнут принцессы.

Я тогда опустился перед ней на колени. Не коснулся, разумеется. Положил рядом аптечку и приказал снять одежду. Она попыталась пошутить, но пальцы не слушались. Пришлось самому разрезать ткань на боку, промыть рану и сшить разорванное мясо. Всё это время Ами смотрела на мои руки — голые, без перчаток, — и молчала, будто понимала, что я отдаю ей гораздо больше, чем помощь.

Перед уходом она спросила, как вернуться через закрытый сектор, если подобное повторится.

«Вызови меня».

«А если ты не придёшь?»

Я разозлился. Не на неё — на самую возможность, что однажды она позовёт, а меня не окажется рядом. Продиктовал личный код и заставил повторить. Ами смотрела с непривычной серьёзностью.

«Ты понимаешь, что после этого я смогу пройти практически куда угодно?»

«Ты не посмеешь использовать его против меня».

«Почему?»

«Потому что принадлежишь мне».

Она усмехнулась и ничего не ответила. Теперь я понимал: уже тогда единственным, кому-то принадлежал, оказался я. Собственному самодовольству. Её сапфировым глазам. Редким мгновениям, когда рядом с Ами мои выжженные до черноты глаза переставали казаться думами могилами на лице.

Я дал ей не комбинацию цифр. Я протянул женщине нож рукоятью вперёд, обнажил горло и поклялся, что она не ударит.

Она ударила туда, где плоть была тоньше всего.

— Заблокировать, — произнёс я.

— Уже.

— Поднять записи всех мёртвых зон, доступных по нему. Каждый вход. Каждый выход. За весь месяц. — Лизард кивнул, но не ушёл.

— Что ещё?

— Морт приказал через два часа передать операцию Зоричу. — Я медленно посмотрел на него.

— А ты слышал, чтобы я передавал свою женщину другому мужчине?

— Нет.

— Тогда через два часа у Зорича не останется операции, которую можно принять. — Поднялся, переступив через раздавленное платье. На пороге остановился и оглянулся на комнату. Она больше не пахла мной. Теперь здесь пахло только предательством — сладким, цветочным, с металлической нотой моей крови.

В уцелевшем зеркале напротив шкафа отразился мужчина с беспорядочно выющимися чёрными волосами и лицом, красивым настолько неправильно, что эта красота сама походила на разновидность насилия. Лицо Николаса Мокану, только моложе и холоднее. Я всмотрелся в две абсолютно чёрные дыры на месте глаз и привычно испытал мрачное удовлетворение. Их я сделал сам. Выжег цвет, уничтожая самое явное сходство с отцом, пока боль не проглотила череп до затылка, а Фэй не закричала, увидев, что я натворил. Пусть его глаза могли синеть для семьи, мои не должны были больше меняться ни для кого.

Но рядом с Ами чернота иногда начинала болеть. Будто под выжженной оболочкой оставался цвет, который она видела и безжалостно пыталась вытащить наружу одним своим взглядом.

Теперь в зеркале не отражалось ничего, кроме двух могил.

Я закрыл дверь.

И впервые позволил себе произнести вслух то, что не мог сказать даже отцу:

— Дождись меня, Ами. Я обязательно приду. — Не обещание спасения.

Приговор.

Глава 4

Он снова солгал мне, глядя прямо в глаза.

Так привычно, почти нежно, будто не ложь вложил между нашими губами вместе с последним поцелуем, а ещё одно обещание вернуться. «Все живы». «Один час, малыш». «Я сам всё расскажу». Каждую фразу Николас произнёс тем низким, бархатным голосом, от которого когда-то у восемнадцатилетней девочки дрожали колени, а теперь у взрослой женщины начинали ныть старые шрамы.

Потому что я знала цену его спокойствию.

Когда глаза мужа становились белёсыми, когда из них исчезала синева, которую он оставил только для семьи, Ник переставал просить. Он начинал решать. За меня, за детей, за весь мир, слишком глупый, по его мнению, чтобы самостоятельно выбрать правильный способ умереть.

Я стояла посреди спальни, касаясь пальцами собственных губ, и чувствовала, как оставленный им поцелуй медленно превращается в ожог. Темнота раннего утра лежала на кровати, на смятых простынях, на моих рассыпавшихся по плечам тёмных волосах. Всего несколько минут назад здесь было тепло. Теперь комната напоминала склеп, из которого вынесли тело, но забыли убрать запах смерти.

«Ками».

Позвала дочь мысленно.

Ответа не было.

«Камилла».

Молчание. Не блок. Я бы почувствовала. Пустота, в которой мой зов летел вперёд и не встречал ничего, кроме собственного эха.

В груди затрещало. Сначала тихо, словно ломалась одна тонкая косточка. Потом ещё одна. Ещё. Я уже знала это ощущение — так начинался материнский ужас. Он никогда не приходил сразу. Он медленно сооружал внутри дыбу, привязывал к ней каждую клетку, а потом начинал крутить ворот, растягивая тело до тех пор, пока суставы не вылетали из впадин.

Все живы.

Ник сказал, что все живы.

Но не сказал, что все дома.

Я надела первое платье, попавшее под руку, не застегнула половину крючков на спине и вышла в коридор. Дом молчал. Охрана у лестницы отсутствовала. У входа в крыло Ярослава валялся разбитый коммуникатор одного из нейтралов, на стене остался кровавый след ладони.

Я не побежала. Когда тебе действительно страшно, ноги не слушаются. Они становятся чужими, тяжёлыми, словно к щиколоткам привязали тела всех, кого ты уже не сумела спасти.

Дверь комнаты Яра была распахнута.

Внутри стояла Ками. Босая, в тонкой домашней рубашке, с кровью на лице. Рядом — Зорич и двое солдат. Один держал голубой хрустальный меч Ярослава, завернув его в чёрную ткань.

Я посмотрела на пустую кровать.

Мир не рухнул. Это было бы слишком милосердно. Он остался на месте, продолжил вращаться, позволяя мне рассмотреть каждую деталь: брошенный носок, раскрытую книгу, зефирного скорпиона, прилипшего к перевернутой чашке. Вещи моего ребёнка существовали. Не было только самого ребёнка.

— Где Яр? — Ками закрыла рот ладонью. Её плечи дёрнулись, и этот ответ оказался страшнее любого слова.

— Где мой сын? — Я спросила громче. Стены дрогнули. По оконному стеклу побежали трещины, мебель оторвалась от пола. Моя сила проснулась вместе со мной и теперь искала, кого разорвать.

— Мама...

— Где. Ярослав. — Зорич выступил вперёд.

— Он покинул поместье около двух часов назад.

— С кем? — Ищейка замолчал. Ками всхлипнула.

— С Ами. — Имя ударило в солнечное сплетение. Я согнулась, не удержавшись, но не упала. Вцепилась пальцами в спинку кресла, и дерево застонало, крошась под ладонью.

Женщина Сэма. Та, рядом с которой мой сын впервые за годы начал возвращаться из собственной могилы. Девочка с сапфировыми глазами, слишком гордая, чтобы признать страх, и слишком искалеченная, чтобы поверить в свободу.

Она забрала Яра.

— Добровольно? — спросила я.

Зорич удивился.

— Что?

— Мой сын сопротивлялся? Его ранили? Усыпили? Подчинили?

— Следов борьбы нет. Камеры отключены. Охрана ничего не помнит.

— Значит, вы не знаете.

— Мама, она его тащила, — Ками протянула мне смятую фотографию. — Папа уже поднял Нейтралитет. Сэм тоже ищет.

Я посмотрела на снимок. Маленькая фигура Яра рядом с Ами. Его голова повёрнута назад. Он мог быть испуган. Мог смотреть, идёт ли кто-то следом. Мог просто услышать звук.

Одна фотография никогда не показывает правду. Я слишком хорошо это знала. В моей жизни было множество мгновений, которые со стороны выглядели преступлением Ника против меня. Иногда так и было. Иногда преступницей оказывалась я. А иногда мы оба спасали друг друга способом, который нормальный человек назвал бы безумием.

— Почему ты в крови? — Прикоснулась к лицу дочери. Она отшатнулась, а потом сама бросилась ко мне, вцепилась в плечи и заговорила быстро, захлёбываясь слезами.

— Я видела, мама. Я видела, как он разговаривает с зеркалом. Позвала Сэма, показала ему. Яр кланялся кому-то, дрался с кем-то, а Сэм сказал, что он играет. Я поверила. Нет, не поверила — я просто промолчала. Мне хотелось, чтобы Сэм оказался прав. Это я виновата. Я должна была сказать папе. Тебе. Я должна была войти и разбить это зеркало, вытащить Яра...

— Замолчи.

— Но я...

— Ты не виновата.

— Я видела! — Ками ударила себя кулаком в грудь. Ещё раз. Я перехватила запястье.

— А твой отец видит смерти ещё до того, как они происходят. Сэм читает чужие головы. Я чувствую боль каждого из вас. И всё равно мы ошибаемся. Сила не делает нас богами, принцесса. Она только даёт больше способов обвинять себя после. — Дочь прижалась ко мне, рыдая уже в голос. Я гладила её светлые волосы и смотрела на фотографию поверх её плеча.

— Она спасает его, — прошептала Ками.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю. Просто... Если зеркало исчезло, если Яр ушёл сам... Ами могла увидеть то, чего не увидели мы.

— Могла.

— Сэм её убьёт. — Вот это уже не предположение.

Я закрыла глаза. Представила своего старшего сына — невероятно красивого, черноволосого, с двумя выжженными чёрными безднами вместо глаз. Он сам лишил их цвета, чтобы не

быть похожим на отца. Будто сходство жило в радужке, а не в том, как оба любили: до крови, до уничтожения, до желания разорвать любимое существо и спрятать каждый кусок внутри себя.

— Не убьёт, — сказала я.

— Ты уверена?

— Нет. — Я отпустила Ками и повернулась к Зоричу.

— Отведи меня к мужу.

— Госпожа Мокану, Глава приказал...

— Я не спрашивала, что приказал Глава. Отведи меня к Николасу, или я вскрою твоё сознание и найду его сама. — Ищейка выдержал мой взгляд несколько секунд. Потом протянул руку.

Ник стоял над картой, когда я вошла. В кабинете находились Лизард, несколько командиров и Сэм. Муж поднял голову, увидел меня — и белёсая пустота его глаз мгновенно треснула синевой.

Только для семьи.

Как великодушно.

Я подошла и ударила его по лицу.

Не ладонью. Кулаком, вложив в движение столько силы, что голова Ника дёрнулась, а из рассечённой скулы брызнула кровь. Муж пошатнулся, упёрся ладонью в стол. В кабинете стало тихо.

— Вон, — произнёс Ник.

Никто не заставил повторять. Остались только мы, Сэм и Зорич у двери.

— Я сказал один час, — тихо напомнил муж, вытирая кровь большим пальцем.

— А твой час чем измеряется? Моими вырванными нервами или количеством лжи, которое ты успеваешь скормить мне за шестьдесят минут?

— Я собирался рассказать.

— После того как найдёшь тело? — Синие вихри в его глазах остановились.

— Не произноси это слово.

— Почему? Ты боишься слов, Ник? Ты, который не боится смерти, Высших и собственного безумия? Тело. Нашего. Сына. — Он оказался рядом и сжал мои плечи. Слишком сильно. Пальцы впились в кожу, но я не отступила.

— Я найду его.

— Ты уже потерял. — Лицо мужа исказилось так, будто я вспорола ему живот. Он выпустил меня, сделал шаг назад.

Больно? Хорошо. Мне тоже было больно. Иногда единственным способом разговаривать с Николасом оставалось вырезать слова на его мясе.

— Яр жив, — вмешался Сэм. — Я бы почувствовал смерть брата.

Я повернулась к нему.

Сын выглядел спокойно, но на правой ладони запеклась кровь, а из внутреннего кармана формы выступал край сложенной бумаги. Чёрные глаза не отражали света. Он сам превратил их в могилы, а теперь стоял передо мной такой похожий на Ника, что меня ломало от ужаса.

— Что ты нашёл?

— Она готовила побег. Забрала вещи, оружие, препараты. Использовала мой код доступа. — Последнюю фразу Сэм произнёс с мёртвым спокойствием. Только его пальцы сжались, разрывая уже повреждённую ладонь.

— Зачем?

— Очевидно, чтобы похитить Яра.

— Это не ответ.

— Для меня достаточный.

— Потому что ты уже вынес приговор?

— Потому что она предала меня! — Крик ударил по стенам. Сэм сам застыл, словно не ожидал услышать собственный голос. Ник повернул к нему голову, и я увидела в лице мужа то страшное понимание, которое может появиться только у человека, пережившего ту же боль.

— Тебя? — переспросила я. — Мы говорим о Ярославле или о том, что женщина посмела уйти от тебя?

— Она забрала моего брата!

— А ты говоришь о своём коде, своей постели и своём унижении. — Сэм приблизился. Его красота сейчас стала пугающей — точёные черты заострились, чёрные волосы упали на лоб, губы дрожали от сдерживаемого рыка.

— Ты её защищаешь?

— Я защищаю право узнать правду до того, как вы оба утопите её в крови.

— Она использовала ребёнка.

— Ты не знаешь этого.

— Зато знаю, что бывает, когда любовь лишает мозгов. Я видел. Всю жизнь смотрел, как он превращает тебя в жертву, а ты называешь это счастьем. — Ник рванул к нему, но я встала между ними и упёрлась ладонью мужу в грудь.

— Не смей.

— Он говорит о тебе.

— Поэтому отвечу я. — Ник замер. Сердце под моей ладонью билось тяжело и зло. Я не смотрела на мужа. Только на сына.

— Продолжай, Сэм. Расскажи мне, какой жертвой я прожила свою жизнь.

— Мама... — Первое слово разорвало меня сильнее оскорблений. Он так редко называл меня мамой, что каждый раз это звучало как возвращение мёртвого ребёнка.

— Нет. Ты решил использовать мою боль, чтобы оправдать свою. Так продолжай.

— Я ненавижу его за то, что он сделал с тобой.

— Ложь. — Сэм вздрогнул.

— Что?

— Ты ненавидишь отца за то, что он сделал с тобой. И имеешь право. Но не смей прятать эту ненависть за моей спиной.

— Я видел, как ты умирала без него!

— А я видела, как умирал ты. Каждый раз, когда возвращался в пустую келью вместо дома. Каждый день рождения, на котором сидел у двери, чтобы уйти раньше появления отца. Я чувствовала, как ты выжигал собственные глаза, Сэм. Чувствовала твою боль, но ты не позволил мне прийти. Не он. Ты. — Сын побледнел. Чёрные глаза оставались сухими, зато из разорванной ладони кровь закапала на пол.

— Он заставил меня убить его.

— Да. — Ник за моей спиной перестал дышать.

— Марианна...

— Молчи, Ник. Хоть раз не влезай между мной и моим ребёнком. — Муж отступил. Я подошла к Сэму.

— Твой отец поступил чудовищно. Он использовал твою любовь ко мне и к нему. Он не имел права требовать прощения. Но это не даёт тебе права превращать каждую женщину в доказательство того, что любви не существует.

— Ами — предательница.

— Возможно.

— И ты просишь её пощадить?

— Я требую найти Яра и привести Ами живой.

— Даже если она причинила ему боль? — Перед глазами возник мой маленький сын. Я почувствовала, как под ногтями пробуждаются когти.

— Если она сознательно причинила ему боль, я сама вырву из неё сердце. Но сначала спрошу зачем.

— Какая трогательная последовательность, — процедил Сэм. — Сразу видно жену Николаса Мокану.

Я ударила его.

Сын мог уклониться. Не стал. Моя ладонь рассекла ему губу, кровь легла на невероятно красивое лицо алой полосой. Сэм медленно повернул голову обратно. В чёрных глазах ничего. А у меня по щекам текли слёзы.

— Ненавидишь меня? — спросила я.

— Никогда.

— Тогда перестань делать меня оружием против отца. — Его губы дрогнули.

— Ты всегда выберешь его. — Вот она. Настоящая рана. Не Ами. Не Яр. Даже не каменный стол. Маленький мальчик внутри взрослого Шторма, уверенный, что мама принадлежит отцу сильнее, чем детям.

Я вспомнила его совсем маленьким — темноволосого, синеглазого, неприлично красивого ребёнка, который однажды забрался между нами в постель и обеими руками отталкивал от меня отца. Ник тогда смеялся, щекотал сына, называл маленьким захватчиком, а Сэми яростно кричал, что мама его и папа должен найти себе другую. Потом они устроили настоящее сражение за право обнимать меня. Я лежала между ними, задыхалась от смеха и думала, что вот оно — счастье, такое огромное, что никакое проклятие не сумеет его проглотить.

Какой самоуверенной душой я была.

Проклятию не пришлось глотать нас целиком. Оно откусывало понемногу. Один обман. Одно предательство. Один окровавленный стол. И мальчик, который прежде ревновал мать к отцу с детской непосредственностью, вырос в мужчину, уверенного, что его никогда не выбрали первым.

Мне захотелось вцепиться ногтями в грудь и разорвать её до сердца, вынуть это бесполезное мясо и показать сыну: смотри, здесь никогда не существовало отдельных комнат для тебя и для него. Вы оба бились внутри одного сердца, и каждый удар причинял одинаковую боль. Но Сэм не поверил бы. Он давно считал любовь болезнью, а наши с Ником сердца — заражёнными органами, которые следовало вырезать до того, как инфекция перейдёт детям.

Слишком поздно. Она уже перешла.

Она жила в чёрных глазах Сэма, в белёсых глазах Ника и в моих сиреневых, каждый раз наполнявшихся слезами, когда эти двое резали друг друга, проверяя, потечёт ли из общей раны одна и та же кровь. Текла. Всегда одна и та же.

Я обхватила его лицо ладонями. Сэм дёрнулся, но не отстранился.

— Я выбирала тебя тысячи раз. Каждый день, когда позволяла уйти, хотя хотела запереть дома. Каждый раз, когда не звала отца вернуть тебя силой. Я выбирала твоё право ненавидеть нас, хотя оно перемалывало мне кости. Но ты замечаешь только те выборы, в которых я оставалась с Ником.

— Потому что ты всегда с ним.

— Да. И всегда твоя мать. Одно не уничтожает другое. — Слеза скользнула по его щеке. Не из чёрного глаза — моя. Упала с моего подбородка и оставила мокрую дорожку на его коже. Сэм застыл, будто не знал, имеет ли право её стереть.

— Отпусти меня, — прошептал он.

Я разжала руки.

— Иди. Найди брата. Приведи Ами живой.

— Зачем тебе она?

— Мне — незачем. Она нужна тебе.

— Я не люблю её. — Он произнёс слишком быстро.

Я посмотрела на своего сына и увидела мальчика, который выжег глаза, лишь бы не быть похожим на отца. Мужчину, который превратил прикосновения в угрозу, нежность — в унижение, желание — в механическую потребность. И теперь его трясло от одной женщины так же, как когда-то Николаса трясло от меня.

— Ты не боишься стать им, Сэм. — Он нахмурился.

— Что? — Я посмотрела на Ника. Белёные глаза снова стали синими. Он стоял у стены — безумно красивый, черноволосый, страшный — и молча позволял мне разрезать нашу семью правдой.

Потом снова повернулась к сыну.

— Ты боишься полюбить так же сильно. — Сэм исчез прежде, чем последние слова затихли.

На каменном полу осталась его кровь.

Ник подошёл сзади и обнял меня. Я позволила ровно одно мгновение, а затем развернулась и ударила его снова.

— Это за ложь. — Он слизнул кровь с губы и кивнул.

— Заслужил.

— Если с нашим сыном что-то случилось, я уничтожу тебя.

— Знаю.

— Если Сэм убьёт Ами до правды, я уничтожу и его. — На лице мужа появилась страшная, почти гордая улыбка.

— Теперь я вижу, в кого он такой. — Я смотрела в синие глаза Николаса и понимала: где-то далеко два наших сына уже шли навстречу чудовищу, а мы снова стояли среди собственной крови и пытались решить, кого имеем право спасти первым.

На этот раз — никого одного.

Иначе я сама превращу весь их мир в братскую могилу.

Глава 5

Я узнал об исчезновении внука от мёртвой дочери.

Кристина смотрела на меня с фотографии, стоявшей на каминной полке, и улыбалась той особенной улыбкой, от которой даже спустя годы у меня начинало ломить кости. Не болью — боль давно стала моей костной тканью, выросла в позвоночник, заменила мозг. Скорее памятью о том, что когда-то я умел смотреть на ребёнка и не считать, сколько способов её смерти существует в этом мире.

Рядом с фотографией дочери стояла Анна. Моя женщина. Моя последняя любовь, которую я тоже не уберёг. Два красивых лица в серебряных рамках, две могилы, которые я собственноручно расставил в собственном кабинете, чтобы каждое утро помнить: корона не делает мужчину сильным. Она лишь позволяет большему количеству людей умереть из-за его решений.

Коммуникатор завибрировал на столе.

Я не сразу поднял. Продолжал смотреть на Кристину, и в какой-то момент мне показалось, что её улыбка исчезла. Уголки губ опустились, глаза потемнели, а потом я услышал детский голос:

— Дедушка, ты не отвечаешь. — Зарина стояла в дверях. Такая похожая на мать, что грудную клетку сдавило железным обручем. Те же тонкие черты, тот же упрямый подбородок. Только в глазах слишком много взрослой настороженности для девочки, которую отец оставил на попечение людей, едва не сходявших с ума от собственного горя.

— Думал, — ответил я.

— Долго.

— В моём возрасте это происходит медленнее. — Она не улыбнулась. Подошла к столу, посмотрела на мигающий экран.

— Звонит тётя Ками. — Сердце дёрнулось. Камилла не звонила мне через обычную связь. Никто из Мокану не пользовался ею, если мог ворваться прямо в голову. Значит, либо связь блокировали, либо она не хотела, чтобы услышал кто-то другой.

Я принял вызов.

— Влад... — Одно слово. Моё имя, произнесённое голосом внучки. Этого хватило, чтобы я уже оказался на ногах.

— Кто?

— Яр. — Перед глазами снова Кристина. Не фотография. Её тело на снегу, изломанное, разорванное, с застывшими глазами. Потом Анна. Белая кожа, кровь на губах. Потом Марианна, когда я впервые потерял её. Дети не должны уходить раньше родителей. У бессмертных этот закон обязан быть высечен на небе, но кто-то наверху, очевидно, получал извращённое удовольствие, каждый раз стирая его кровью моей семьи.

— Что с Ярославом?

— Он исчез. Ами увела его из дома. Папа закрыл границы, Сэм ищет. Я... я не знаю, что делать. — Последняя фраза сорвалась плачем.

Я стиснул коммуникатор, и металл смялся в ладони.

— Ничего. Ты уже сделала всё, что могла. Теперь моя очередь.

— Папа не хочет вмешивать Братство. — Конечно. Николас снова решил, что способен один удержать небо, землю и собственную семью, пока всё это рушится ему на голову.

— Твой отец много чего не хочет. Именно поэтому у него такой несчастный вид последние несколько столетий. — Ками всхлипнула, но мне показалось, что всё же улыбнулась.

— Я пришлю координаты.

— Не нужно. Я знаю, где искать этого самоуверенного ублюдка. — Отключился и встретился взглядом с Зариной.

— Что случилось?

— Ярослав потерялся.

— Его похитили?

— Пока никто не знает.

— Ты вернёшь его? — Вот она — детская вера, от которой подкашиваются ноги сильнее любого проклятия. Она смотрела на меня так, словно дедушка действительно мог вернуть всех. Маму. Бабушку Анну. Отца, который продолжал жить где-то вдали и всё равно оставался для неё почти мёртвым.

— Верну. — Я снова солгал ребёнку. В нашей семье любовь всегда начиналась со лжи, произнесённой ради надежды.

— Разбуди Криштофа и иди к Фэй. Из дома не выходить. Никому не открывать, даже если пришедший будет выглядеть как я. — Зарина побледнела.

— Почему?

— Потому что женщина, которая увела Яра, умеет менять лица.

— А как я пойму, что ты настоящий? — Я замер. Хороший вопрос. В мире, где память можно переписать, лицо украсть, а любовь использовать как поводок, что вообще делает человека настоящим?

— Спроси, что сказала твоя мама, когда впервые посадила тебя мне на руки.

— А что она сказала?

— Что, если я уроню её дочь, она оживёт и убьёт меня. — Губы Зарины задрожали. Она знала эту историю, но каждый раз слушала, будто надеялась услышать голос матери между словами.

Я тоже надеялся. Иногда повторял фразы Кристины вслух, старательно копируя интонации, и на одно проклятое мгновение она возвращалась. Не вся — только голос, оторванный от тела и поселившийся в моей глотке. Потом Зарина уходила, а я оставался один и блевал кровью от понимания, что использовал собственное горло как дешёвый спиритический инструмент, лишь бы ещё раз услышать дочь.

Криштоф однажды застал меня за этим занятием. Стоял у двери, маленький и смертельно бледный, пока я разговаривал голосом его матери с фотографиями. Нет, Анна никогда не произносила этих слов, но я знал, как бы они звучали из её уст. Мой сын не спросил, что я делаю. Только подошёл и обнял за пояс, а я не сумел обнять в ответ. Руки будто сгнили и отвалились, потому что ими я должен был когда-то удержать его мать в нашем мире и не удержал.

Теперь исчез ещё один мальчик. Ярослав — сын Марианны, внук Лины, ребёнок той же проклятой крови, которая давала нам могущество и каждый раз требовала плату плотью детей.

Я опустился перед Зариной на колени. Короли не становятся на колени перед подданными. Деды — становятся.

— Послушай меня. Если через час я не пришлю вестей, вы с Криштофом уходите в нижнее убежище. Фэй знает код. Ни со мной, ни с Николасом, ни даже с Сэмом не выходите, пока каждый из нас не ответит на вопрос.

— А если ты не вернёшься? — Она спросила тихо, но слова вошли между рёбер и раздвинули их, обнажая давно мёртвое сердце.

— Тогда позаботься о Криштофе.

— Я ребёнок.

— Знаю. Мне очень жаль, что в нашей семье дети постоянно вынуждены становиться взрослыми раньше родителей. — По её щеке скользнула слеза. Я вытер её большим пальцем и почувствовал солёную влагу так остро, будто она прожгла кожу насквозь.

Ещё одна детская слеза в бесконечном море, которым наша семья пыталась залить Ад. Бесполезно. Ад умел плавать и всегда возвращался голодным.

Я коснулся её волос и переместился в Нейтралитет.

Влад появился без разрешения, в сопровождении шести членов личной охраны, и с таким выражением лица, будто пришёл не обсуждать поисковую операцию, а выбирать, на какой стене повесит мою голову.

Я бы даже не удивился. За последние несколько лет брат множество раз сообщал, куда именно хотел бы её засунуть, предварительно отделив от тела. У нас были очень тёплые семейные отношения.

— Вон, — приказал я его людям.

Они не двинулись. Чёрные Львы смотрели только на короля, демонстративно не признавая власть Главы в стенах Нейтралитета.

— Пусть останутся, — сказал Влад. — Им полезно увидеть, как великий Морт снова объясняет родственникам, что семья мешает его безупречным планам.

— Тогда пусть приготовятся увидеть, как я вышвыриваю короля вместе с его свитой.

— Попробуй. — Белёсая пустота моих глаз залилась кровавым огнём. Влад не отвёл взгляда. Конечно. Мы с братом могли стоять на горящих костях собственных детей и всё равно продолжать мериться властью, потому что иначе пришлось бы признать, насколько нам страшно.

Сэм находился у карты. Он даже не повернул головы, когда вошёл дед. Чёрные глаза сына изучали маршрут Ами, пальцы быстро передвигали метки. Рядом стояли Лизард и Зорич. После ухода Марианны мы снова собрали командование, и теперь следовало решить, какие территории превратить в кладбище первыми.

— Ярослав — мой внук, — произнёс Влад. — Братство участвует в поисках.

— Нет.

— Это не просьба.

— Тогда зря сотрясаешь воздух. — Влад приблизился к столу. Красивый, черноволосый, всё ещё величественный, несмотря на то, что горе выело из него часть прежней силы. У нас была разная красота. Его — королевская, холодная, созданная для поклонения. Моя, по словам Марианны, всегда выглядела как предупреждение перед катастрофой. Сейчас мы оба походили на два дорогих надгробия.

— Пропал не только сын Главы, Ник. Исчез Мокану-Воронов. Представитель правящей крови Братства.

— Мой сын не политический титул.

— Забавно слышать это от мужчины, который поставил охрану у его кровати раньше, чем дал имя.

— Охрана не спасла. — Слова вышли глухо. Влад вздрогнул. Всего на мгновение король исчез, оставив мужчину, который точно знал, каково смотреть на пустую кровать ребёнка.

— Именно поэтому я здесь, — сказал он тише.

— Поэтому ты приведёшь армию на территорию, где каждый лишний солдат выдаст наше направление?

— Я дам тебе разведчиков.

— Мои лучше.

— Я дам переходы Братства.

— Они отслеживаются.

— Я дам всё, чего у тебя нет.

— У меня есть всё необходимое. — Влад ударил ладонями по столу. Карта подпрыгнула, несколько меток погасли.

— У тебя нет права снова отрезать семью, когда одному из нас угрожает опасность!

— У меня есть обязанность Главы не устраивать международную войну из-за паники деда!

— Паники? — Я увидел, как изменилось лицо брата, но остановиться уже не мог. Страх всегда превращал мой язык в нож, а близких — в удобные куски мяса.

— Да, Влад. Твоей паники. Ты потерял двух дочерей и жену и теперь готов бросить всех оставшихся на любую тень, лишь бы доказать мёртвым, что на этот раз сумел кого-то спасти. — Тишина разорвалась его ударом.

Кулак вошёл мне в живот. Рёбра хрустнули, внутренности обожгло болью. Влад схватил за волосы и ударил лицом о стол. Камень раскололся, кровь залила карту.

Я не сопротивлялся первые несколько секунд. Заслужил. Позволил брату ещё раз впечатать моё лицо в камень, почувствовал, как ломается нос, как осколки зубов режут язык.

На третьем ударе перехватил его запястье и вывернул. Кость вышла из сустава с влажным хрустом. Влад зарычал, попытался вцепиться мне в горло здоровой рукой. Я отбросил его к стене.

Охрана рванулась вперёд. Нейтралы обнажили оружие.

— Стоять! — голос Сэма разрезал пространство.

Все замерли.

Сын наконец оторвался от карты. Его красивое лицо оставалось неподвижным, чёрные глаза поочередно остановились на мне и Владе.

— Вы закончили выяснять, чья боль длиннее, или мне найти линейку? — Влад прижал вывихнутую руку к груди.

— Не вмешивайся, мальчик.

— Мой брат пропал, пока вы двое пытаетесь доказать, кто из вас худший отец. Я уже вмешан. — Попал по обоим. Я слизнул кровь с губы, чувствуя, как срывается нос.

— Братство не участвует в операции, — повторил я.

— Участвует, — Влад шагнул ко мне.

— Нет, — неожиданно произнёс Сэм.

Король повернулся к нему. Я тоже.

Сын стоял, опираясь ладонями о карту. В чёрных глазах не отражалось ничего, но я почувствовал его решение раньше, чем услышал.

— Это территория Нейтралитета и закрытая операция Главы, — сказал Сэм. — Ввод подразделений Братства поднимет всех наших противников. Морт прав.

Морт.

Не отец. Конечно. Но сын поддержал меня перед Владом, признал не мужчину, которого ненавидел, а власть, которой служил. И эта жалкая кость, брошенная с его стола, почему-то застряла у меня в горле.

Влад смотрел на внука с болью.

— Ты отказываешься от помощи клана?

— Я отказываюсь от армии. Нужны ваши архивы переходов, спутниковые данные и один проводник. Без знаков Братства.

— Кто руководит группой?

— Я.

— Нет, — сказал я.

Сэм медленно повернулся.

— Тогда я забыл, Морт: ты собирался искать собственного сына, сидя в кабинете?

— Группу поведёт Лизард.

— А я?

— Передашь операцию Зоричу. — Уголок его рта дёрнулся.

— Боишься потерять ещё одного ребёнка? — Вот же маленький ублюдок. Знал, куда ударить.

— Боюсь, что ты уничтожишь единственный источник информации прежде, чем доставишь сюда.

— А я боюсь, что ты снова решишь за всех, кого можно принести в жертву. — Влад прикрыл глаза. Возможно, впервые увидел наше противостояние не снаружи. Услышал то, что мы не договаривали.

— Командовать буду я, — Сэм выпрямился. — Или пойду один.

— Это неповиновение.

— Тогда казнишь после возвращения.

— Могу до.

— Не можешь. — Он произнёс спокойно. Не потому, что превосходил силой. Потому что знал: я не сумею. И ненавидел меня за эту слабость сильнее, чем за жестокость.

Я посмотрел на карту, залитую кровью. Маршрут Ами заканчивался у северной границы ликанских земель. Дальше начинались старые дороги, ведущие к разрушенному Иофамону.

— Почему туда? — спросил Влад.

— Потому что это единственный путь к старым мендемайским переходам, который не контролируем мы, — ответил Зорич. — Но территория принадлежит повстанцам. наших убивают сразу.

— Значит, нужен ликан, которого они пропустят, — сказал Сэм.

Влад побледнел.

— Нет. — Я усмехнулся, вытирая кровь с карты.

— Как быстро меняются роли. Минуту назад ты требовал использовать все ресурсы Братства.

— Только не его. — Сэм посмотрел на деда.

— Велес — законный наследник.

— Велес мечтает убить твоего отца.

— У него длинная очередь. Это не мешает сотрудничеству.

— Он не согласится.

— Согласится, — ответил я. — Если предложить правильную цену.

Влад понял раньше остальных. Его лицо стало жёстким.

— Ты не имеешь права признавать его князем.

— Имею. Нейтралитет утверждает правителей спорных территорий.

— После согласования с Братством.

— Считаю, что мы согласовываем.

— Я откажу.

— Тогда твой внук останется за границей, которую никто из нас не сможет пересечь незамеченным. — Жестоко. Но на этот раз я не получал удовольствия. Каждое слово резало и меня: приходилось превращать Ярослава в ставку, использовать исчезновение сына как монету. Именно за это Сэм меня ненавидел. Именно это я делал снова, потому что власть не оставляет чистых решений.

Влад посмотрел на фотографию внука. Его плечи опустились.

— Свяжись с Велесом.

◆ ◆ ◆

Ликан ответил не сразу. Его изображение возникло над столом рваным, нестабильным силуэтом. Велес выглядел старше, чем при нашей последней встрече. Длинные волосы стянуты на затылке, на щеке свежий шрам, глаза хищно-жёлтые.

Он увидел меня и рассмеялся.

— Морт. Какая неприятность привела твою белёсую морду в мою жизнь?

— Пропал Ярослав. — Смех оборвался. Велес перевёл взгляд на Сэма.
— Когда?
— Несколько часов назад, — ответил сын. — След ведёт через северные земли.
— И ты решил, что я стану проводником нейтралов?
— Не нейтралов. Моим.
— Большая разница?
— Для тебя — да.
Велес молчал. Потом его взгляд остановился на Владе.
— Король тоже просит?
— Я ничего у тебя не прошу, — процедил брат.
— Тогда пусть мальчик остаётся там, где оказался. — Сэм рванулся к изображению, будто мог схватить ликана через связь.
— Назови цену. — Велес улыбнулся. Теперь медленно, показывая клыки.
— Признание.
— Чего?
— Моего права на престол ликанов. Нейтралитет и Братство официально называют меня единственным законным наследником. Вы возвращаете мне земли, титул и право собрать стаи.
— Влад выругался. Я смотрел на Велеса и чувствовал, как очередная петля затягивается вокруг горла нашей семьи.
— Ты получишь признание после того, как приведёшь их к границе Иофамона, — сказал я.
— Половину сейчас. Подписи Главы и короля. Остальное после.
— Слишком жирно для блохастого проводника.
— Тогда ищи сына сам, Морт. — Изображение начало гаснуть.
— Стой, — произнёс Сэм.
Велес посмотрел на него.
— Я подпишу личную гарантию Шторма.
— Твоя гарантия ничего не стоит без их власти.
— Зато моя кровь стоит. Если они нарушат договор, получишь право потребовать мою голову.
— Сэм! — одновременно рявкнули мы с Владом.
Сын даже не посмотрел.
Велес склонил голову, изучая его. Потом усмехнулся.
— Хорошо. Подписи двух стариков и голова Шторма в залог. — Связь оборвалась.
Я смотрел на сына, а под рёбрами медленно проворачивался тупой нож. Самуил только что поставил жизнь на одну чашу весов с братом. Так же легко, как когда-то я положил свою рядом с жизнью Марианны.
Он поймал мой взгляд.
— Даже не начинай, Морт.
— Ты не имеешь права распоряжаться своей жизнью. — Сэм улыбнулся — красиво, страшно, совершенно по-мокановски.
— У кого же мне было этому научиться?

Глава 6

Я нашёл её по запаху собственной крови.

Не по следу хамелеона — Ами вычистила его безупречно, оставив после себя такую мёртвую пустоту, что даже Зорич начал скрежетать зубами. Не по метке Яра — она исчезла сразу за границей ликанских земель. И даже не благодаря Велесу, который провёл нас через три заставы повстанцев, а потом с мерзкой ухмылкой сообщил, что дальше королевский проводник не обслуживает неблагодарных нейтралов.

Кровь звала сама.

Тонкая нить тянулась из-под сердца, протыкала рёбра и уходила вперёд, в густой, пропитанный гнилью лес. Моя кровь на ней. На её коже, во рту, внутри. Каждый раз, когда Ами пила меня, я считал это ещё одной разновидностью обладания. Теперь оказалось, что это она оставила в себе дорогу, по которой я полз к ней, как раненое животное к капкану.

Дождь шёл стеной. Чёрные волосы прилипли ко лбу, вода стекала по лицу и за ворот формы. Вокруг пахло мокрой хвоей, ликанами и древней магией, от которой ныло в выжженных глазах. Я шёл один. Лizard с отрядом остался у границы по моему приказу, а Велес исчез, заявив, что не намерен лезть в храм, где его предки приносили в жертву тех, кого слишком сильно любили.

Полезная семейная традиция. Нужно рассказать отцу.

Храм возник между деревьями внезапно — перекошенный каменный череп с провалами оконниц. Половина крыши обрушилась, стены оплетали чёрные корни, похожие на вены мертвеца. На ступенях лежал скорпион. Живой, огромный, с блестящим панцирем. Он поднял хвост и замер, будто узнал меня.

Яр.

Страх вошёл под кожу раскалёнными иглами. Я взлетел по ступеням, не касаясь их ногами, и выбил остатки двери энергетическим ударом.

Она стояла посреди разрушенного зала.

Серебряные волосы потемнели от воды и липли к тонкой шее. Светлое пальто исчезло, под ним оказалась чёрная одежда, плотно облегавшая тело. В одной руке Ами держала клинок, второй закрывала собой Ярослава.

Сапфировые глаза нашли мои.

И мир, который я удерживал железными пальцами последние часы, лопнул.

Женщина была жива. Цела. Невероятно красива той ядовитой, невозможной красотой, которая всегда действовала на меня как удар в висок. Я хотел подойти и проверить руками каждый сантиметр тела. Хотел прижать к себе, вдохнуть её запах, убедиться, что под ладонью бьётся сердце.

А потом вспоминал фотографию.

Пустую комнату.

Мой код.

И желание обнять мутировало в потребность ломать.

— Сэм, — выдохнула она.

Всего лишь имя. Без «Шторма», без насмешки. Так тихо, словно обрадовалась.

Я оказался рядом и ударил её спиной о стену. Камень треснул. Ами застонала, клинок выпал, но я уже сжимал её горло одной рукой, второй прижав запястья над головой.

Тело узнало её мгновенно. Мягкость груди под моей формой. Тонкую талию. Запах восточных цветов, смешанный с потом, дождём и страхом. Член дёрнулся, наливаясь кровью, и это стало последним унижением.

— Рада меня видеть, куколка? — Она тяжело дышала. Пульс бился под моими пальцами, губы приоткрылись. Я видел, как расширились её зрачки, как тело отреагировало на мою близость несмотря на страх.

— Опоздал, — прошептала Ами.

— Соскучилась?

— Я думала, ты быстрее. — Стиснул горло сильнее. Её затылок ударился о камень, но в сапфировых глазах вместо покорности вспыхнуло знакомое издевательство.

— Ты оставила неверный след.

— Но всё же пришёл.

— За братом. — Улыбка дрогнула. Попал. И мне захотелось ударить снова, глубже, туда, где под её бронёй пряталось что-то живое.

— Конечно, — сказала она. — Только за ним.

Я наклонился к её лицу. Между губами осталось несколько миллиметров. Почувствовал выдох, и всё внутри скрутило такой похотью, что кости занули. Хотелось впиться в этот рот, искушать до крови, заставить стонать моё имя так, чтобы ложь высыпалась из неё вместе с криками.

Вместо этого сжал челюсти.

— Зачем ты забрала Яра?

— Сначала выведи его отсюда.

— Ты ещё ставишь условия?

— В храме не должно быть зеркал, воды и...

— Отвечай! — Мой рык обрушил несколько камней с потолка. Ярослав вскрикнул за спиной. Наваждение лопнуло. Обернулся.

Брат стоял у колонны, прижимая к груди повреждённую руку. Кожа посинела, пальцы распухли. На лице засохли дорожки слёз.

Я отпустил Ами так резко, будто она обожгла.

— Что с рукой? — Подошёл к Яру, но он отступил.

От меня.

Маленький шаг назад оказался больнее ножа. Я замер, рассматривая страх на лице брата.

— Яр, это я.

— Знаю.

— Дай посмотреть.

— Не трогай его, — сказала Ами.

Я повернул голову.

Она стояла у стены, потирая шею. На молочной коже проступали следы моих пальцев. Красивое украшение. От мысли, что метки останутся, по телу прошла собственническая дрожь.

— Ещё один приказ, и я вырву тебе язык.

— Твоя энергия привлекает его.

— Кого?

— Того, кто сломал Яру руку. — Я снова посмотрел на брата. Вокруг нас только разрушенный храм. Никакого чужого присутствия не ощущалось.

— Она спасла меня, — тихо сказал Яр.

— От кого? — Он опустил глаза.

— От зеркала.

— Зеркала нет.

— Оно везде. — Слова заставили волосы на затылке подняться. Я открыл сознание, осторожно касаясь разума брата.

Обычно Яр ощущался солнечным теплом, запахом бумаги и детскими мыслями, скачущими одна через другую. Сейчас передо мной стояла гладкая чёрная поверхность.

Я прикоснулся сильнее.

В ней появилось моё отражение.

Чёрные волосы, идеальное лицо, две выжженные бездны вместо глаз. Отражение улыбнулось.

Я — нет.

Отшатнулся, разрывая контакт.

— Видел? — спросила Ами.

— Что ты с ним сделала?

— Я? — она рассмеялась. — Конечно. Как удобно, Шторм. Если женщина обманула тебя один раз, теперь можно сложить к её ногам все преступления мира.

— Ты использовала мой код.

— Чтобы вывести твоего брата до того, как эта тварь войдёт в другого члена семьи.

— Почему не сказала?

— Кому? Мртуру? Чанкру, который первым делом полез бы в голову сына и распахнул перед сущностью собственный разум? Или тебе, который каждый раз слышит только голос своей обиды? — Я оказался перед ней и ударил ладонью по стене возле лица. Камень раскрошился.

— Осторожнее выбирай слова.

— А ты осторожнее выбирай, кому доверяешь. Хотя поздно. Мне ты уже доверился.

— И пожалел. — В её глазах вспыхнула боль. Настоящая. Такая короткая, что другой бы не заметил. Я заметил и испытал отравленное удовольствие.

— Я оставила записку.

— Угрозу.

— Предупреждение.

— «Не ищи меня, если хочешь вернуть брата живым». Очень трогательная забота.

— Если бы ты не нашёл нас так быстро, я успела бы довести его туда, где связь можно разорвать.

— К Ибрагиму? — Ами замолчала.

Вот и ответ.

Схватил её за волосы и оттянул голову назад. Она зашипела, вцепилась ногтями в моё запястье.

— Значит, всё-таки к хозяину.

— У меня нет хозяина.

— Ошибаешься.

— Ты не мой хозяин, Сэм.

— После того как воспользовалась моим кодом, моей защитой и моей постелью, самое время вспомнить о свободе? — Она ударила коленом. Я перехватил ногу, прижал бедро к своему боку. Положение стало непристойно знакомым. Ами замерла, почувствовав моё возбуждение. Её дыхание сбилось.

— Отпусти, — прошептала она.

— Боишься, что вспомнишь, кому принадлежало это тело?

— Боюсь, что ты снова перепутаешь желание с правом. — Слова вошли под кожу. Я отбросил её от себя. Ами устояла, но лицо побелело.

— Мы возвращаемся, — сказал я. — Оба.

— Нет.

— Это не обсуждается.

— Если выведешь Яра сейчас, сущность пойдёт с ним.

— Она уже с ним.
— Пока только держится за связь. В Иофамоне есть место, где её можно вытянуть.
— Откуда ты знаешь? — Снова молчание.
— Ибрагим, — ответил за неё Яр.
Я посмотрел на брата.
— Ты слышал их разговор?
— Он говорил с Ами через зеркало. Сказал, куда идти. — Яр всхлипнул и сжал повреждённую руку. Во мне что-то оборвалось.
— Ты ушёл с ней сам? — Он кивнул.
— Она не похищала?
— Я попросил.
— Почему не пришёл ко мне? — Брат посмотрел прямо в мои чёрные глаза.
— Куда? В Нейтралитет? Ты дома только на дни рождения. — Всего одна фраза. Детская. Простая. Она вспорола меня от горла до паха. Я почувствовал, как из разреза вываливается всё, чем оправдывал отсутствие: служба, ненависть к отцу, невозможность дышать в его доме. Для Яра это означало одно — меня нет.
— Ты мог позвать.
— Я позвал Ами. Она была рядом. — Посмотрел на неё. Ами не торжествовала. В её глазах стояли слёзы, и это оказалось хуже насмешки.
— Не смей меня жалеть.
— Я жалею его.
— Я сказал не смей! — Энергия вырвалась наружу. По полу прошла трещина, колонны зашатались. В чёрной поверхности лужи у разрушенного окна возникло движение.
Я увидел отца.
Не Морта. Ника с синими глазами, каким помнил в детстве. Он стоял в воде и протягивал мне окровавленный скальпель.
«Сделаешь».
Отступил. Сердце заколотилось так, что грудь разрывало изнутри.
— Сэм, не смотри! — закричала Ами.
Но я уже смотрел.
Отражение отца разрезало себе горло. Вода почернела. Потом вместо него появилась мать с вырванным сердцем. Ками, лежащая рядом. Яр. Ами. Они все смотрели на меня и шевелили губами.
«Выбирай».
Я ударил по луже энергией. Вода взлетела чёрными брызгами, но каждое каплей стало глазом. Тысячи отражений окружили меня.
Я рванулся к брату.
— Дай мне войти в твою голову.
— Нет! — Ами бросилась между нами.
— Я вытащу эту тварь.
— Ты станешь дверью!
— Отойди.
— Сэм, послушай меня.
— Я слушал тебя достаточно! — Отшвырнул её. Ами ударилась о колонну, вскрикнула и сползла на колено. Я опустился перед Яром, обхватил его лицо ладонями.
— Смотри на меня. Я не причиню тебе вреда. — Он заплакал.
— Сэм, не надо.
— Я твой брат.
— Именно поэтому. — Я вошёл в его сознание силой.

Чёрная поверхность треснула. Изнутри вырвались руки — длинные, блестящие, состоящие из зеркальных осколков. Они впились мне в разум, рванули на себя. Боль взорвалась в черепе. Я закричал, но продолжил идти глубже, видя за стеной маленького Яра, запертого среди отражений.

«Я заберу тебя», — сказал ему.

И тогда кто-то ответил моим голосом:

«Нет. Это я заберу тебя».

◆ ◆ ◆

Я увидела, как Шторм перестал быть собой.

Это произошло не сразу. Сначала его невероятно красивое лицо застыло, будто скульптор, создававший мужчину, вдруг передумал дарить изваянию жизнь. Потом по вискам выступили чёрные сосуды. Они извивались под кожей тонкими змеями, ползли к выжженным глазам и ныряли в бездны, которые Сэм оставил вместо прежнего цвета. Его пальцы на лице Ярослава сжались. Мальчик вскрикнул, но нейтрал уже не слышал.

Я бросилась к ним и ударила о стену энергии.

Она швырнула меня на колени. Кожа на ладонях лопнула о камень, кровь размазалась по полу. В чёрной луже под Сэмом появилось отражение, и у меня сдавило горло: на поверхности воды стоял другой Шторм. Он смотрел на меня с тем же лицом, но улыбался.

Настоящий Сэм не улыбался так никогда.

Его улыбка могла быть саркастичной, жестокой, иногда — редчайшее чудо — мальчишеской, когда забывал ненавидеть весь мир. Эта была голодной. Будто нечто уже примерило его красоту, прошло по сильному телу изнутри липкими пальцами и решило, что новая оболочка подходит идеально.

— Сэм! — закричала я.

Никакой реакции.

Яр плакал. По тонкому лицу текли слёзы, губы посинели. Его сознание вытягивали вместе с сознанием брата, как две жилы, запутавшиеся в одном куске мяса. Ещё немного — и сущность войдёт в Шторма. Получит силу чанкра, тело нейтрала и разум, способный разорвать защиту самого Морта.

А я не могла этого позволить.

Не миру. Не Нейтралитету.

Себе.

Потому что в эту секунду поняла самую унижительную правду: мне было плевать, сколько миров уничтожит тварь в его теле. Я хотела спасти Сэма не как командира или оружие. Я хотела сохранить мужчину, который несколько минут назад стискивал моё горло и обещал вырвать язык. Того, кто унижал, ненавидел и всё равно пришёл за мной через границы. Моего Шторма — хотя он никогда не был моим и использовал это слово только как цепь для других.

Поднялась. Энергия снова ударила, вспорола кожу на груди и отбросила к колонне. Во рту стало солоно. Я выплюнула кровь и рассмеялась, потому что именно так смеялся Сэм, когда боль пыталась поставить его на колени.

— Думаешь, я слабее тебя? — прошептала сущности.

Отражение повернуло голову.

Теперь оно видело меня.

В луже возник Ибрагим. Потом моя мёртвая мать. Сэм с сапфировыми глазами вместо выжженной черноты — такой, каким мог бы стать, если бы я сумела вернуть ему отнятый цвет. От этого изображения меня перекутило сильнее, чем от ран. Сущность уже знала, куда бить.

«Ты можешь получить его таким», — прошептала она моим голосом.

— Я получу его настоящим. — «Он посадит тебя на цепь».

— Перегрызу. — «Он отнимет твоё имя».

— Напишу его на его коже. — Отражение Сэма улыбнулось шире.
«Он никогда тебя не полюбит».

Вот теперь попало. Слова вонзились между рёбер и провернулись, выскребая внутренности. Я пошатнулась, но не отвела взгляда.

— Тогда я сохранию ему жизнь, чтобы он мог не любить меня очень долго. — Выдернула из ножен клинок. На лезвии уже блестел яд, предназначенный для нейтралов. Доза остановит сердце обычного бессмертного. Сэма — лишь отсечёт от силы на несколько минут. Если я правильно рассчитала. Если не ошиблась. Если он не ослаб после перехода.

Слишком много «если» для одного удара в мужчину, без которого мне внезапно стало нечем дышать.

Подошла к энергетической стене. Прижала ладонь. Кожа задымилась, запахло горелым мясом. Я закричала, но продолжила давить, меняя структуру тела, превращая пальцы в то, что поле не могло распознать. Кости плавились, суставы выворачивало, однако рука прошла внутрь. Потом плечо. Я буквально содрала с себя слой плоти, протискиваясь сквозь его защиту.

Оказалась рядом.

Сэм стоял на коленях, прекрасный и мёртвый, соединённый с Яром чёрными нитями. Я коснулась его щеки. Голая кожа под пальцами оставалась горячей.

— Прости меня, — прошептала я, хотя знала: не простит.

И ударила туда, где под рёбрами билось сердце Шторма.

Острая боль вошла под ребро.

Я распахнул глаза.

Ами стояла вплотную, прижимая ладонь к рукояти клинка, вонзённого мне в бок. Её лицо было мокрым от слёз.

— Прости, — прошептала она и провернула лезвие.

Мясо разошлось вокруг металла. Я ударил её по лицу. Ами отлетела, оставив клинок внутри. Выдернул его и бросил на пол.

— Ты... — Ноги подогнулись. Яд уже растекался по венам ледяным огнём. Упал на одно колено, чувствуя, как немеет тело.

— Иначе ты бы не остановился, — Ами подползла ко мне, несмотря на кровь на разбитых губах. — Оно уже зацепилось за тебя.

— Я убью тебя.

— Потом. — Она прижала руки к ране, пытаясь остановить кровь.

— Не трогай меня! — Оттолкнул её, но сил почти не осталось. Яр подбежал и обнял за шею.

— Сэм, не умирай. Пожалуйста. Я больше не буду уходить. Я буду звонить. Только не умирай. — Его слёзы падали мне на лицо. Маленький брат, уверенный, что мою смерть можно остановить обещанием быть послушным. От этой мысли боль стала невыносимой.

— Я не умру, — прохрипел я. — Мы Мокану. Мы слишком мерзкие, чтобы нас принимал даже Ад.

Яр всхлипнул и рассмеялся одновременно.

Ами снова потянулась к ране. На этот раз позволил. Её пальцы разорвали ткань формы. Мы все замерли.

Из разреза текла не кровь.

Густая чёрная жидкость медленно выползала из тела, блестящая, как расплавленное зеркало. Она стекала по коже, но вместо того, чтобы падать, тянулась к Ами тонкими нитями.

В каждой капле отражалось моё лицо.

И каждое отражение улыбалось.

Одно из них подняло руку и приложило палец к губам, приказывая молчать. Другое повернулось к Яру. Третье смотрело только на Ами — так, будто уже узнало её, запомнило и выбрало следующей.

А затем все мои отражения одновременно произнесли её имя моим голосом.

Не «Ами».

«Нулевая».

Глава 7

Чёрная дрянь пыталась вернуться в меня.

Она стекала из раны густыми блестящими нитями, собиралась на животе в маленькое зеркало и тут же ползла обратно, цепляясь за разорванное мясо тонкими щупальцами. Ами сдирала её голыми пальцами, швыряла на камни, и каждая капля лопалась моим лицом — десятки маленьких Штормов открывали рты в беззвучном крике, прежде чем серебряные сапоги хамелеона размазывали их по полу.

— Не дай ей коснуться воды, — прохрипела Ами Ярославу.

— Кому?

— Этой твари! Засыпь землёй, пеплом, чем угодно! — Яр опустил рядом, всё ещё прижимая сломанную руку к груди. Здоровой ладонью начал сгребать пыль и обломки, заваливая чёрные пятна. Он плакал молча. Слёзы текли по тонкому лицу, падали на камни, и я видел, как зеркальная жидкость тянется к ним.

— Не плачь, — выдавил я.

Мальчик посмотрел на меня так, будто я приказал не дышать.

— Я не могу.

— Тогда отвернись.

— Ты умираешь.

— Нет. Просто лежу в собственных внутренностях, пока моя женщина выскребает из меня какую-то мерзость. Обычный семейный отдых. — Яр всхлипнул и нервно рассмеялся. Смех мгновенно превратился в новый плач. Меня выворачивало от каждого звука, потому что именно так ломаются дети — сначала пытаются поверить шутке взрослого, а потом понимают, что кровь настоящая.

Ами вдавила ладонь в рану. Боль прошла позвоночник, перед глазами вспыхнуло белым.

— Твоя женщина? — спросила она, тяжело дыша. — Удивительное признание для мужчины, который обещал меня убить.

— Одно другому не мешает.

— У Мокану — никогда.

Её губы были разбиты моим ударом. По подбородку текла кровь, смешиваясь со слезами. Я смотрел на неё снизу и ненавидел за то, что даже сейчас красота Ами захватывала дыхание сильнее яда. Серебряные волосы прилипли к щекам, сапфировые глаза стали почти чёрными от страха, а пальцы находились внутри моего тела. В буквальном смысле. Она раздвигала края раны и вытаскивала оттуда зеркальные нити, причиняя такую боль, что меня трясло.

— Наслаждаешься? — спросил я.

— Каждой секундой.

— Тогда запомни. Скоро поменяемся местами. — Она замерла. Всего на мгновение. Потом выдернула последнюю нить вместе с куском мяса и отбросила.

— Готово. — Яд парализовал ноги, но руки уже слушались. Схватил её за запястье, притянул ближе. Ами не сопротивлялась. Возможно, устала. Возможно, считала, что спасённый мужчина не станет сразу надевать цепи.

Плохо она меня знала.

На границе сознания возник Лизард.

«Командир?»

«Храм. Немедленно. Медицинская группа и подавляющие браслеты для хамелеона».

Ами услышать не могла, но увидела ответ на моём лице. Её плечи опустились.

— Значит, всё-таки пленница.

— Ты ожидала благодарности?

— Нет. От тебя — никогда.

— Вот и не разочаровывайся. — Я не отпускал её запястье, пока в храме один за другим появлялись нейтралы. Лизард первым оценил разрушения, чёрные пятна и меня на полу.

— Вы великолепно справились в одиночку, командир.

— Сарказм не входит в обязанности помощника.

— Зато перетаскивание твоего окровавленного тела, видимо, входит. — Он склонился, но я оттолкнул руку.

— Сначала Яр. — Медики окружили брата. Он закричал, когда начали выправлять кости, и Ами рванулась к нему. Я удержал.

— Не трогай его.

— Ему больно!

— Благодаря тебе. — Она повернулась ко мне так резко, что серебряные волосы хлестнули по лицу.

— Благодаря мне он всё ещё способен чувствовать боль.

— Расскажешь на допросе. — Лизард защёлкнул браслеты на её запястьях. Металл вспыхнул, подавляя способности. Ами выгнуло судорогой, но она не издала ни звука. Только посмотрела на меня.

Не с ненавистью.

Хуже.

С разочарованием.

Я отвернулся первым.

◆◆◆

Фэй ударила меня прежде, чем осмотрела.

Её ладонь оставила на щеке пылающий след. В лаборатории пахло кровью, препаратами и страхом семьи, собравшейся за стеклянной стеной. Марианна держала Яра за здоровую руку. Ками стояла рядом, прижавшись к плечу Влада. Отец смотрел на меня белёсыми глазами, и только тонкий синий ободок выдавал, насколько ему страшно.

— Это за что? — спросил я у Фэй.

— Выбирай. За то, что вошёл в разум Яра. За дыру в боку. За яд. Или за то, что притащил ребёнка в таком состоянии.

— Его притащила Ами.

— А мозги тебе кто должен был принести? — Она разрезала остатки формы. Рана уже затягивалась, но вокруг неё расходились чёрные сосуды.

— Оно осталось? — Фэй не ответила. Провела сканером и выругалась.

— В тебе — след. Не сама сущность. Что-то вроде ожога на сознании. А вот в Ярославе...

Посмотрела через стекло на мальчика.

— Что?

— Я не знаю. — Самые страшные слова из уст женщины, которая знала почти всё.

За стеклом Яр вдруг выгнулся на кушетке. Марианна навалилась на него, удерживая плечи, Ками схватила за ноги. Изо рта мальчика потекла чёрная слюна. Она не падала на белую простыню — собиралась в воздухе идеально круглыми каплями, и в каждой отражался отец.

Ник ударил ладонью в стекло.

— Открой дверь.

— Нет, — Фэй перекрыла панель управления.

— Там мой сын.

— Именно поэтому ты останешься здесь.

— Фэй. — От одного её имени в исполнении Морта приборы на стенах покрылись инеем. Но женщина не сдвинулась. Маленькая, хрупкая на фоне отца, она смотрела на него как врач, которому достался особенно опасный психопат.

— Твоя энергия уже реагирует на его выброс. Если войдёшь, неизвестно, кто первым коснётся кого. Ты сына или оно тебя. — Яр открыл глаза. Они были его собственными всего секунду, затем радужки стали белёсыми, точь-в-точь как у отца.

— Папа, — позвал он голосом Сэма.

Моим голосом.

По спине прошла ледяная судорога. Ник застыл. Синие вихри попытались прорваться сквозь белёсую пустоту его глаз, но он задавил их, будто сущность могла зацепиться даже за любовь.

— Это не он, — сказал я.

Марианна за стеклом слышала. Повернула ко мне залитое слезами лицо, продолжая удерживать ребёнка. На её тёмные волосы брызнула чёрная жидкость, и пряди мгновенно покрылись серебряным инеем.

— Тогда где мой сын, Сэм? — закричала она. — Ты входил в него. Где он?

Я не смог ответить. Потому что видел Яра за зеркальной стеной. Маленького, испуганного. Но не знал, сколько его ещё осталось.

Ками заплакала. Отец закрыл глаза. Я стоял между ними с защитой дырой в боку и впервые понимал: Ами вытащила брата из дома не вопреки семье. Она сделала то, на что ни один из нас не решился бы, — признала, что именно наша сила делала нас опасными для Яра.

Осознание прожило недолго. Обида быстро сомкнула вокруг него челюсти.

Если Ами знала — должна была сказать мне.

Если не сказала — значит, не доверяла.

А если не доверяла после всего, что я ей позволил, значит, виновата всё равно.

Удобная логика. Морт бы гордился.

— Вытяни.

— Ты уже попробовал.

— Я сильнее.

— Ты глупее. Сила это не компенсирует. — Отец вошёл без разрешения. Фэй мгновенно заслонила меня, будто я был ребёнком, которого следовало защитить от Морта.

— Не приближайся к Яру ментально, Ник. — Он остановился.

— Почему?

— Сэм стал проводником через несколько секунд контакта. Ты сильнее — и дверь из тебя получится шире.

Белёлые глаза отца вспыхнули синим и снова погасли.

— Кто сказал?

— Ами, — ответил я.

— Ты ей веришь?

— Нет. — Слово далось легко. Слишком легко. Фэй внимательно посмотрела на меня, но промолчала.

— Где она? — спросил Ник.

— В изоляторе.

— Я поговорю.

— Нет. — Отец медленно повернулся.

— Повтори.

— Она мой агент и моя задержанная. Допрашивать буду я.

— Речь о моём сыне.

— И моём брате.

— Ты уже доказал, насколько объективен. — Я прыгнул со стола, несмотря на протест Фэй. Боль вспорола бок, но остался стоять.

— Боишься, что узнаю правду раньше тебя?

— Боюсь, что ты уничтожишь её мозг, пытаясь найти подтверждение собственной обиде. — Попал словами Ами. Я понял это по едва заметной паузе. Ублюдок уже заглянул в воспоминания Лизарда или Яра поверхностно, не касаясь заслона.

— Не приближайся к ней, Морт.

— Это приказ сыну или подчинённому?

— Предупреждение отцу. — Он усмехнулся, но в белёсых глазах снова мелькнул синий цвет.

— Один час, Шторм. Потом войду я.

— Если войдёшь в Яра, она утверждает, что погибнет семья.

— Семья и так постоянно гибнет. Уточни, на этот раз окончательно или в нашем привычном режиме. — Марианна услышала через стекло. Её лицо исказилось, и Ник тут же пожалел. Синие вихри затопили глаза полностью. Он подошёл к жене, приложил ладонь к стеклу напротив её лица.

Я отвернулся. Даже сейчас. Даже когда пропал сын, когда другой истекал чёрной дрянью, эти двое находили друг друга среди всех. И я снова оказывался лишним свидетелем их любви.

— Заштопай меня, — сказал Фэй.

— Сначала вылечу голову.

— Поздно.

— В этом ты весь в отца.

— Не оскорбляй пациента. — Она зашивала рану без обезболивания. Я сам отказался. Боль была необходима, чтобы не думать об Ами в цепях и о том взгляде, которым она меня проводила.

В изоляторе не было мебели. Только два металлических кольца в стене и Ами между ними.

Её руки растянули в стороны, браслеты соединялись короткими цепями с кольцами. Подавляющее поле лишило хамелеона возможности менять облик. Серебряные волосы рассыпались по плечам, разбитые губы опухли, на шее темнели мои следы.

Я остановился напротив и медленно снял перчатки.

Ами проследила за движением.

— Решил лично испачкать руки?

— Тебе нравились мои голые руки.

— Когда они не застёгивали на мне цепи.

— Разве? Ты любила сопротивляться. — Я подошёл. Провёл пальцем по синяку на её шее. Кожа была горячей. Ами вздрогнула, но не отвела взгляда.

— Это допрос или ты пришёл напомнить своему члену, почему потерял разум?

— Мой разум на месте.

— Тогда он очень маленький. Я не заметила. — Усмехнулся и надавил на синяк. Она поморщилась. В сапфировых глазах вспыхнула злость, а под ней — желание. Её тело узнавало мои пальцы даже в боли. Моё отвечало тем же, и я ненавидел нас обоих за эту животную честность.

— Кто находится в Яре?

— Не знаю имени.

— Что это?

— Не знаю.

— Куда ты его вела?

- В Иофамон.
- К Ибрагиму?
- К месту без отражений, построенному моей матерью.
- Откуда сведения?
- От Ибрагима.
- Значит, к нему.
- Я сказала — к месту.
- Схватил её за подбородок.
- Ты передала ему файлы?
- Нет.
- Использовала мой код?
- Да.
- Готовила побег?
- Готовила спасение твоего брата.
- Почему не сказала мне? — Она рассмеялась. Тихо, болезненно.
- Я пыталась.
- Когда?

— В ночь перед исчезновением. Ты вернулся после совещания с отцом. Помнишь? — Конечно, помнил. Я ворвался злой, пропитанный запахом Ника и собственным бессилием. Ами сидела на кровати в моей рубашке. Спросила, можно ли доверять Морту, если опасность касается его детей. Я решил, что она снова проверяет границы моей верности Нейтралитету.

- Ты спросила о Главе.
- Я спросила об отце Ярослава.
- Нужно было говорить прямо.
- Я сказала, что заметила чужое присутствие в доме.
- Ты живёшь среди нейтралов. Там сотни чужих присутствий.

— А потом попросила тебя посмотреть на Яра. — Вспомнил. Она действительно произнесла имя брата. Я в этот момент расстёгивал форму и думал о том, как заставить её замолчать. Подошёл, поднял лицо за подбородок и спросил, не ревнует ли она меня к семье. Ами оттолкнула руку. Мы поссорились. Потом она поцеловала меня, и разговор закончился так, как заканчивалось большинство наших разговоров, когда правда становилась слишком опасной.

Телом.

Желанием.

Удобным способом ничего не услышать.

- Ты отвлекла меня.
- Я? — сапфировые глаза расширились. — Ты заткнул мне рот поцелуем, Сэм.
- Могла остановить.

— Ты слышишь себя? Я должна была остановить Шторма, который привык считать любое сопротивление приглашением к новой схватке?

— Никогда не брал тебя против воли.

— Я не о сексе! — цепи зазвенели от её рывка. — Я о каждом слове, которое ты превращал в борьбу за власть. О каждом моём страхе, который называл манипуляцией. Я пыталась сказать, а ты хотел доказать, что мне нужен только твой член и защита.

Унижение обожгло лицо. Она произнесла это здесь, в камере, где запись допроса могли просмотреть Глава и Совет. Выставила мою слепоту на стол рядом с уликами.

— Осторожнее.

— Что сделаешь? Ударишь? Прикуёшь крепче? Отправишь туда, где из меня вытравят имя? Это и есть вся твоя любовь, Шторм? Наказание за то, что я оказалась права?

— Я тебя не люблю.

— Тогда почему тебе так больно? — Вопрос остановил дыхание. Ами смотрела прямо в чёрные глаза, будто под выжженной поверхностью действительно оставался цвет и она могла его увидеть.

Я надавил пальцем на синяк сильнее. Её губы дрогнули, но взгляд не опустился.

— Мне больно из-за брата.

— Ложь.

— Из-за предательства.

— Полуправда.

— Ты слишком высокого мнения о себе.

— А ты до смерти боишься, что моё мнение окажется правильным. — Я отпустил её шею. На пальцах остался запах Ами. Хотелось снять кожу вместе с ним — или прижать ладонь к лицу и дышать, пока яд не доберётся до сердца.

— Потому что сейчас ты стоишь передо мной, Сэм, и всё ещё задаёшь не тот вопрос.

— Какой нужен?

— Не «почему не сказала», а «почему я не дал тебе возможности сказать». — Пальцы сжались на её лице.

— Не перекладывай своё предательство на меня.

— А ты не называй предательством всё, что не смог контролировать.

— Ты забрала ребёнка.

— Он попросил.

— Ты обязана была привести его ко мне.

— Чтобы ты полез в его голову? Ты сделал это через минуту после встречи, несмотря на мои предупреждения.

— Потому что не верил.

— Нет. Потому что хотел доказать, что я виновата. — Я ударил ладонью рядом с её головой. Металл стены прогнулся.

— Осторожно.

— Вот она, твоя правда, Шторм. Ты слышишь только то, что кормит обиду. Всё остальное для тебя не существует.

— Если Морт войдёт в разум Яра, что произойдёт?

— Сущность получит его силу и доступ к каждому, с кем он связан. К Марианне. Кامي. Лике. Тебе. Возможно, ко всему Нейтралитету.

— Удобная страшилка, чтобы запретить сильнейшему чанкра проверить твои слова.

— Ты уже проверил. Посмотри на свой бок.

— Я остановился из-за яда.

— Я остановила тебя ядом. — Подтекст полоснул горло. Она спасла меня. Или лишила возможности увидеть правду. Я не знал, какой вариант причинял больше боли.

— Докажи.

— Как?

— Открой сознание. — Ами побледнела.

— Нет.

— Тогда нам не о чем говорить.

— Ты знаешь, что для хамелеона это означает.

— Знаю. — Принудительное чтение разрушало их изменчивую личность. Можно было вытащить одно воспоминание и навсегда стереть другое. Я мог доказать её вину, уничтожив ту Ами, которую хотел вернуть.

— Попроси, — прошептала она.

— Что?

— Не приказывай. Попроси довериться тебе. — Я посмотрел на цепи, следы своих пальцев, разбитый рот. Потом в сапфировые глаза, где ещё оставалась надежда. Маленькая. Жалкая. Она действительно ждала, что я смогу.

Внутри всё корёжило от желания произнести одно слово. «Пожалуйста». Оно стояло в горле куском мяса, душило, не проходило наружу.

Я вспомнил код. Пустую комнату. Фотографию Яра.

— Открой сознание, агент Медуза. Это приказ. — Надежда погасла.

— Нет. — Отступил и надел перчатки. Каждая закрытая фаланга казалась захлопывающейся дверью.

— Подготовить документы на перевод задержанной в Пантеон Нулевых, — приказал в связь.

Ами дёрнулась так сильно, что цепи впились в запястья до крови.

— Сэм... — Впервые страх уничтожил насмешку в её голосе.

Я повернулся к двери.

— Ты же знаешь, что там делают с такими, как я. — Знал.

Именно поэтому выбрал Пантеон.

— Нужно было подумать об этом до того, как использовала мой код.

— Посмотри на меня. — Не обернулся.

— Сэм, пожалуйста. — Её «пожалуйста» всё-таки смогло выйти наружу. Моё — нет.

Дверь закрылась, отрезая её крик.

И только в коридоре я понял, что внутри камеры Ами впервые назвала меня не Штормом.

Она звала того мальчика, которого я собственноручно убил много лет назад.

Глава 8

Я поняла, что он вернулся, когда погас свет.

Не услышала шагов — Шторм умел передвигаться так, будто пространство само расступалось перед ним, боясь коснуться чёрной формы. Не почувствовала энергию — он закрыл её, оставив только давление в воздухе, от которого заложило уши и заныли кости. Просто лампы под потолком одна за другой умерли, и камера наполнилась темнотой, похожей на его глаза.

Цепи удерживали мои руки над головой. За несколько часов браслеты протёрли кожу до мяса, кровь стекала к локтям и высыхала липкими дорожками. Я могла изменить запястья, сделать их тоньше и выскользнуть, но подавляющее поле отвечало на каждую попытку судорогой. В первый раз меня вывернуло так сильно, что плечо вышло из сустава. Во второй я прикусила язык и едва не захлебнулась кровью. Третьего раза не было.

Пока.

В темноте вспыхнули две чёрные бездны. Нелепо — чёрное не должно быть видно в чёрном, но глаза Сэма поглощали даже отсутствие света. Затем проявилось лицо. Невероятно красивое, жестокое, почти неотличимое от лица отца, если бы не молодость и выжженный цвет. Чёрные волосы падали на лоб, губы казались тёмными от засохшей крови.

Он пришёл без перчаток.

От этого стало страшнее, чем от цепей.

— Решил закончить допрос? — спросила я.

Голос сорвался. Не от страха. От жажды. Мне несколько часов не давали воды, но тело требовало не её. Оно узнало мужчину, с которым привыкло воевать прикосновениями, и теперь предавало меня мелкой дрожью.

Сэм приблизился.

— Этап через час.

— Пришёл попрощаться?

— Пришёл дать последний шанс. — Я рассмеялась. Губа лопнула, на языке стало солоно.

— Как великодушно. Это у вас семейное? Сначала ломать кости, потом протягивать пластырь?

— Признайся, что передала файлы Ибрагиму.

— Нет.

— Назови сообщников.

— Нет.

— Скажи, что использовала Яра, чтобы сбежать.

— Нет. — Он остановился вплотную. Запах ударил сильнее пощёчины — холод, кожа, кровь и тот особенный аромат Шторма, который я научилась узнавать среди сотен бессмертных. Сэм поднял руку и провёл большим пальцем по разбитой губе.

Боль вспыхнула вместе с желанием.

— Упрямая маленькая дрянь.

— Тебе нравилось.

— Мне много чего в тебе нравилось. Это не спасёт.

— Я и не прошу. — Палец замер. Он ждал просьбы. Я поняла это по едва заметному движению челюсти. Хотел, чтобы я упала к его ногам, назвала господином, пообещала всё, лишь бы он не отправлял меня туда, где хамелеонов превращали в пустые оболочки.

И, возможно, тогда спас бы.

Но после спасения мне пришлось бы жить, зная, что свободу купила покорностью.

— Ты знаешь, что такое Пантеон? — спросил он.

— Знаю.

— Там у тебя не будет лица.

— Я найду новое.

— Не будет имени.

— Моё имя существовало до их стен.

— Не будет меня. — Вот теперь голос дрогнул. Совсем немного, но я услышала. Шторм перечислял пытки, а самой страшной назвал собственное отсутствие.

Я подняла подбородок, насколько позволяла его ладонь.

— Тебя у меня и сейчас нет. — Он впился в мой рот.

Не поцеловал — наказал губами. Разорвал уже повреждённую кожу, смешал нашу кровь, заставил проглотить стон. Я ответила с той же яростью, потому что ненавидела его, хотела и не собиралась позволять уйти из этой камеры победителем. Цепи зазвенели над головой, когда попыталась обхватить его, но металл удержал руки.

Сэм услышал. Оторвался от губ и посмотрел вверх.

— Мешаешься в собственных цепях?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.